

Евдокия Краснопева

ПЕРЕПЛЕ
ТЕНИ
Я

18+

Евдокия Краснопеева

Переплетения

<https://litres.ru/74070471>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как зарождается любовь? Неожиданная встреча, случайный взгляд, мимолётное знакомство... У каждой любви есть НАЧАЛО.

А, может быть, мы заблуждаемся, и Любовь - вечна и бесконечна. Она никогда не прерывает свою нить, вплетённую в клубок Судьбы властной рукой Мироздания...

Содержание

НАЧАЛО. Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	42
Глава 8	49
ИЗНАЧАЛЬНО. Эпизод 1.	60
1.1	60
1.2	69
1.3	79
ИЗНАЧАЛЬНО. Эпизод 2.	86
2.1	86
2.2	93
2.3	102
НАЧАЛО (продолжение). Глава 9	112
Глава 10	120
Глава 11	126
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Евдокия Краснопеева

Переплетения

НАЧАЛО. Глава 1

Он уже неделю был в Городе — мотался из одного бара в другой, совершенно не зная, как убить время.

Палящее солнце, соль, проступавшая на потной рубашке, усталость напряженных мышц остались в прошлом. Воспоминания, такие живые, реальные, дарующие дыхание настоящей, пусть грубоватой, жизни отступали не сразу — мелкими шагами уходили в небытие, оставляя позади себя гулкую пустоту, которую он не в состоянии был ничем заполнить...

Хозяин ранчо, который рискнул взять в работники человека с бриллиантовыми запонками и галстуком от Brioni в одежде, несомненно, был азартным человеком. Санчеса не смутили ехидные усмешки, нарисовавшиеся на лицах других ковбоев при взгляде на вновь прибывшего. Старый ранчero только поправил на голове свою неизменную фетровую шляпу из войлока белой козы и сухо сказал:

— Можешь называть меня Антонио. Переоденься, эта попсовая одежда тебе не понадобится.

— Я на это и не рассчитывал. Я — Итен, — открытая улыбка, ни капли стеснения, ни одного намека на робость...

Удивительно, что ему даже не пришлось притворяться. Стеснительным и робким он никогда не был, а вот улыбку не пришлось подделывать — она родилась неожиданно искренне и осветила последующие два месяца существования веселыми и даже беспечными оттенками. Он как будто забыл всю прошлую жизнь и начал новую — простого работяги и весельчака.

— Посмотрим, насколько ты прочен, — с этими словами, обыгрывая его имя, каждый раз давал распоряжения ранчоро Антонио.

И он держал планку — Итен — прочный и сильный!

А со старым Санчесом он неожиданно по-настоящему сдружился.

А расстались они с оттенком легкого сожаления. Будто впереди еще будут новые встречи, неспешные разговоры за холодной бутылочкой домашнего сидра, азартные споры о преимуществах европейского футбола над американским, уроки гольфа, в которых один, не зная правил элитного спорта, отлично бьет, а другой время от времени изящно мажет, по всем установленным правилам.

— Все, парень, в этом сезоне для тебя работы нет, — улыбаясь, Санчес протянул ему заработанные деньги. — Мотай — развейся! Подури слегка... А потом... снова ко мне?

— О кей! — легко откликнулся Итен. В тот момент он не сомневался, что покидает ранчо старого Антонио Санчеса лишь на время.

Итен, вспоминая, улыбнулся и опрокинул в рот содержимое маленькой пузатой рюмочки. Прозрачная рисовая водка согрела внутренности, на мгновение примирив с духотой шумного бара.

Он уже целую вечность находился в Городе... Ритм большого мегаполиса захватил его, все больше отдаляя от знойного неба старого ранчо. Стучал, бился в уши рокочущей музыкой, слепил разноцветными софитами, стараясь доказать, что без него — Итена Бруни гармония индустриального агломерата невозможна. Как невозможно отгородиться от мелькания разных лиц, суеты, бесконечных звонков ... и разговоров, снова и снова... Казалось, всем было от него что-то нужно!

Итен покосился на своего собеседника. Вот и Джорджо излишне многословен! Уже добрых полчаса он с большим пылом старается доказать, разъяснить, уверить..., не понимая, что слова отскакивают от Итена, как бильярдные шары от стенки — не затрагивая его опустошенной сути.

Впрочем, даже не вникая в череду слов, произносимых братом, он знал, о чем идет речь.

Сквозь новую пузатую рюмочку с благодатной начинкой он взглянул на пылкого оратора. Темные кудри выбились из идеальной прически, стильные очки в черепаховой оправе покосились на тонком с легкой горбинкой носу, серые глаза, такие неожиданные на смуглом лице, сверкали сердито. Было видно, что рассеянное внимание компаньона его обижает.

Итен сделал вид, что слушает.

— Винсенте — не плохой человек. У тебя — просто комплексы! Да, дела у него не совсем чистые, но это — наш семейный бизнес... И это уже трудно изменить. Ты — его единственная надежда.

— Я не собираюсь у него работать... — буркнул нехотя, специально неразборчиво, но был услышан.

— Я — плохой сын. Винс видит приемника в тебе...

Итен обреченно вздохнул — бесполезный разговор грозил перерасти в бессмысленный спор — и сказал твердо, чтобы не возникло сомнений в истинности утверждения:

— Быть на побегушках у дяди — не мой стиль. В приемники пусть готовит тебя. Ты — его единственный сын. И по праву наследуешь семейный бизнес.

Серые глаза Джорджо наполнялись смятением. Именно так и сказал отец: «Ты — наследник. Будь готов постигать азы семейного бизнеса».

— Я не могу. Я — врач. Моё призвание — лечить людей. Снимать стрессы, восстанавливать душевное равновесие, создавать гармонию, в конце концов!

— Да, ты — мозгоправ. Я знаю.

Прозвучало грубо. Итен поморщился, он не хотел обижать брата. Не так много у него родственников, чтобы портить с ними отношения. Он быстро обхватил Джорджо за плечи и зашептал ему в ухо:

— Оставь! Я пришел, чтобы выпить с любимым братом

в хорошей компании. Кстати, моя компаньонка сейчас подойдет. Её зовут Сабина. Оставим личные разговоры до лучших времен. Ты тоже пригласил какую-нибудь красулю? — Он специально старался выглядеть более пьяным, чем был на самом деле. — Нет? Тебе не пришло это в голову? Что за мысли у тебя в голове, если такая простая мысль тебя не посещает?!

Похлопав брата по спине, он развернул его в сторону зала: — Спокойно! Здесь столько красивых девушек... Выбери! Любую — слово даю — без проблем... Взгляни, вот эта... в розовых штанах. Какие формы! Не впечатляет? Ты — прав, прав... не попа, а надувной мячик... Ну, а вот та, тоненькая... Тоже нехороша? Ты прав, прав ... и ноги разные, и шея, как бикфордов шнур...

— Трепло! — Джорджо досадливо оттолкнул обнимающую руку брата. — Порой мне кажется, что старший среди нас — я.

— Люблю тебя, — Итен вновь обхватил брата за плечи. — Успокойся, сегодня я больше не взгляну ни на одну женщину, клянусь. Ты веришь?

— С трудом.

— Напрасно. Идет моя Сабина, а она не любит, когда замечают кого-то кроме неё.

Пышнотелая, лохматая, будто французский пудель, блондинка в короткой юбочке и маленькой жилетке такой, что был виден упругий живот с нежной ложбинкой пупка, при-

близилась к барной стойке, улыбаясь во весь рот сочными пухлыми губами. Всего в ней было чересчур. Чересчур много обнаженного тела, чересчур яркой косметики и резкого парфюма.

— Просто вульгарная девка, — буркнул сердито Джорджо.

На мгновение Итен забыл о своей роли хорошо подвыпившего человека:

— Зато честна в своих намерениях, — возразил он резко, и тут же повернулся к девушке. — Здравствуй, киса! Иди быстрее ко мне!

Она прильнула к Итену быстрее, чем он произнес эти слова, и сразу прижалась губами к его шее, весьма проворно поднырнув носом под расстегнутый воротничок рубашки. Выглядело это со стороны весьма забавно, Джорджо не сдержался и громко фыркнул.

Девушка недовольно выпрямилась и огляделась с весьма свирепым видом. Атмосфера у стойки стала взрывоопасной, это поняли все, включая обслуживающий персонал, и примолкли. Одного Итена ничего не смутило:

— Ах, как мы сегодня хороши, — бархатно замурлыкал голос парня. — Какие щечки, какая шейка.

В ответ девушка, глупо захихикав, обхватила его затылок длинными пальцами и погрузила его лицо в свои обнаженные прелести.

— Берегись, она придушит тебя своими буферами. —

Вновь не сдержался Джорджо.

Теперь девица видела воочию своего врага, и глаза её метнули молнии.

— Ах, чем это от нас так пахнет? — невозмутимо поинтересовался Итен, выныривая из сладостных глубин роскошного бюста.

— Наверное, ограбила парфюмерную лавку... — уже осознанно прокомментировал Джорджо.

— Милый, ты — прелесть... хи-хи, хи-хи, хи-хи... — залилась девушка, решив игнорировать замечание.

Этого Джорджо выдержать не мог.

— Почему ты всегда выбираешь исключительных дур? — спросил он брата сердито.

Пухлая верхняя губка блондинки поползла вверх, превращаясь в крышу над по-детски трогательной буквой «О», в которую оформился её изумлённый рот. Она вопросительно взглянула на своего кавалера, справедливо рассудив, что защитить даму от неприкрытого хамства его обязанность.

— Ах, киса, я забыл! — Итен оправдывался — не очень усердно! — Это мой кузен. Младший, но очень умный. Мысли у него разные, но все — важные, все — главные... Много их, в голове не помещаются. Поэтому страдает недержанием. Ты на него не злись.

Девица оценивающе прищурилась и вдруг наполнилась за одно мгновение настоящим беспокойством:

— Если он тут лужу сделает? Нас выпрут с большим гро-

хотом!

Джорджо разозлился.

— Итен имел в виду недержание мыслей...

— Я тоже, — невинно усмехнулась девушка. — Представь, большая лужа из вонючих мыслей. А ты о чем подумал?

Итен понял, что невероятно устал. Подавив желание покинуть немедленно бар и своих собеседников — пусть пикируются без него! — он крепко взял обоих за запястья:

— Счет сравнялся, — сказал он скучно. — Давайте просто выпьем. А потом ещё, и ещё, и ещё...

— Предлагаешь тривиально надраться? — Джорджо удивился, брат никогда прежде не приглашал принять участие в своих загулах.

— Да... (Иначе вас не остановить!).

Глава 2

Она только что приехала в Город. Пухлая кожаная сумка через плечо и маленький клатч с документами, средством связи и пластиковой картой — всё, что составляло её багаж. Из-за поломки путей, так взбудоражившей общественность репортерскими слухами о предотвращенном теракте, которого и в помине не было, экспресс весьма задержался и прибыл на вокзал за полночь. Она уже не раз пожалела о том, что решила довериться железной дороге. Нужно было ехать на автомобиле! Потом Кен отправил бы кого-нибудь забрать машину — и она не вышла бы из своего образа бедной, послушной жертвы обстоятельств, который — она знала — будет витать над ней, питаемый любопытными взглядами.

А сейчас мучительно болела голова и одна мысль, что предстоит встретиться с Винсентом Брауном совсем скоро вызывала тошноту и дрожание тела. Впрочем, озноб охватил тело от непривычной влажности ночи, порывов душного ветра и необходимости искать средство передвижения для дальнейшего следования.

Поцокивая тонкими каблуками модных туфель, она направилась к стоянке такси, невнятно мерцающей бледно-розовым светом. Пошарила в кармане своей просторной юбки — туда засунула записку с адресом... и не нашла её! К счастью, не успела из-за этого разозлиться — навстречу

из полумрака выскочил человек, которого она вспомнила... Вспомнила его озабоченное, потное лицо и суетливые длинные пальцы. Мужчина, наклонил голову, вроде бы в знак почтения. Она усмехнулась: скорее, чтобы скрыть раздражение от долгого ожидания! Произнёс:

— Мистер Браун распорядился Вас встретить.

Длинное серебристое великолепие смотрелось на полупустой мрачной улице чужеродным объектом. А намерение Брауна щегольнуть материальным благополучием вызвало раздражение и так уже невероятно раздраженного сознания.

Она резко без предупреждения швырнула свою сумку в грудь встречающего, сопровождая резкими словами, предназначенными, собственно, не ему, а своему уязвленному эго:

— Это не первый «лимузин», в котором мне предстоит ехать.

Мужчина, поймав кладь, недоуменно вертел в руках:

— Что там? — удивился он незначительности багажа.

— Пара трусиков, джинсы и свитер — всё, что нужно девушке в этом вонючем городе. Можешь взглянуть.

— Я уберу ваши вещи внутрь, — прозвучал нейтральный ответ.

— Не возражаю, — девушка повернулась спиной к автомобилю и неторопливо направилась прочь.

— Куда вы собрались, мисс? — настиг её справедливый вопрос водителя.

— Разве я не сказала? Я никуда не еду. Буду утром — дорогу найду сама, — оповестила она о своих намерениях, напрочь позабыв, что записка с адресом пропала из кармана.

— Я намерен Вам помешать, — приближаясь, предупредил мужчина.

— Возражаю, — холодно отчеканила девушка, — и не советую возражать моему возражению. Мистеру Брауну можешь сказать, что целая футбольная команда противостоит твоему намерению выполнить поручение. Кстати, взгляни, они подходят. Ехали вместе со мной на злополучном экспрессе, я с ними задружилась. Могу попросить их заступиться за меня, а могу уйти по-тихому. Выбирай!

— Чертова баба, — буркнул мужчина, возвращаясь к «лимузину». — Босс меня убьет...

Она долго шла по прямой, как стрела улице, не о чем не думая, прислушиваясь к дыханию Города, привыкая и принимая его в свою жизнь. Пару раз ей посигналили из проезжающих мимо автомобилей с предложениями хорошо провести остаток ночи. Предложили лениво и весело, не оскорбившись отказом, не проявив назойливости... Похоже, Город хотел произвести на неё благоприятное впечатление.

Улица резко закончилась, упираясь в реку, чьи воды мягко ударяли по базальтовому парапету. Опершись на поручни, девушка смотрела на мерцающую отсветами городских огней воду и наполнялась легкостью, предвкушением событий. Кто сказал, что впереди только серая полоса — смесь из

черных проблем и белых попыток их преодоления? Жизнь — вообще не полосатая штука! Жизнь — как эта тихая вода — непредсказуема и неуловима...

Прошлое отступило, а будущее лежало перед ней неведомым омутом. Но она готова была принять это будущее, каким бы оно не оказалось.

Придя к душевному равновесию, девушка поняла, что больше не страдает от головной боли, а страдает от голода, и огляделась вокруг. Небольшой круглый павильончик, нависающий открытой верандой над рекой, радовал открытыми дверями. Сквозь матовые полупрозрачные стены было видно, что там довольно оживленно. Голос рассудка попытался сказать, что в таком месте можно рассчитывать только на возбуждающие напитки. Она не стала слушать. Легко шагнула внутрь, вдохнув полной грудью тот непередаваемый аромат, который витает в помещениях, наполненных разным народом, несущим каждый свой запах, как маленькую Вселенную.

В зале царил полумрак — только несколько светильников, у входа и на стенах, в виде горящих факелов, да небольшие фонарики на круглых столиках. Девушка замерла на пороге, привыкая к обстановке.

Взгляд одного из посетителей — молодого человека в очках был направлен в её сторону и сконцентрировался, как на новом объекте, попавшем в поле зрения. Своей пристальностью вызывал настороженность. Девушка едва сдержалась,

чтобы не начать озираться в поисках раздражающего фактора. Напомнила себе, что берет в новую жизнь только позитивные эмоции. Поэтому послала чарующую улыбку в пространство, как пистолетный выстрел в невидимого противника... Она и не догадывалась, что выстрел попал точно в цель.

Глава 3

— Само совершенство, — потрясенно прошептал Джорджо. Как замороженный он наблюдал за новой посетительницей.

Девушка подошла к стойке бара, если бы вытянул руку и слегка придвинулся — смог бы коснуться её кончиками пальцев.

— Могу я здесь что-нибудь поесть? — спросила она смазливового бармена.

Тот окинул девушку тем особым оценивающим взглядом бывалого халдея, который сразу позволял составить мнение о клиенте.

— Соленые орешки, чипсы, цукаты и темный шоколад...

— Не богато.

— Мы — «Просто Пью», — парень протянул посетительнице визитку бара. — К нам приходят, чтобы выпить. Работаем круглосуточно.

На визитке красовался веселый моряк, обнимающий бутылку рома.

— А «Просто ем» поблизости есть?

— За два квартала отсюда, — в его глазах таилась хитринка, что позволяло надеяться на разрешение тупиковой ситуации. — Иногда за отдельную плату мы делаем там заказ на определенное блюдо для своих клиентов... Но они уже за-

крылись, — хитринки в глазах весело заискрились.

Девушка вздохнула:

— Тогда мне придется откусить тебе палец, — сообщила она серьёзно.

Парень улыбнулся — он не ошибся в своей оценке — и, наклонившись почти вплотную к лицу девушки, прошептал:

— Смотри, тот мужик, что справа за стойкой, час назад заказал своей блондинке ужин... до ужина у них дело не дойдет, поверь моему опыту. Могу отдать ужин тебе...

— А что там?

— Это важно?

— Конечно, я не люблю устриц и черную икру.

Бармен посмотрел под крышку стоящего неподалеку блюда:

— Немного зелени и фрикассе из цыпленка.

— Годится.

— Тебе придется заплатить

Девушка взглянула на целующуюся пару:

— Полагаю, он уже оплатил этот ужин?

Ухмыляющаяся физиономия бармена служила подтверждением.

— Без проблем, я хочу есть.

Девушка переместилась за круглый столик и принялась за ужин, поданный официантом. Джорджо продолжал следить за ней. Подсвеченное голубыми бликами круглого све-

тодиодного шара лицо посетительницы стало таинственным и еще более привлекательным для него.

— Как бриллиант в лучах света, — шептали его губы. Желание поделиться с братом обретенным неожиданно сокровищем возникло внезапно и стало неудержимым. — Ит, взгляни, ты ничего подобного не видел. Вот эта женщина! Вот совершенство!

Итен был полностью в жадных руках Сабины. Она оплела кавалера, как лиана. Он ворохнулся за спиной Джорджо, собираясь повернуться на призыв, но девица вцепилась в него еще крепче.

— Не оборачивайся, — свирепо заявила Сабина. — Ты заставил меня нарядиться дешёвой шляхой, испортить волосы гнусной завивкой, а теперь собираешься пялиться на других баб?

— Ты несправедлива, я ни к чему тебя не принуждал. Просто ты повелась на «слабо», — уточнил Итен. — Но в одном ты права — твоё искусство перевоплощения достойно уважения. Поэтому я буду смотреть сегодня только на тебя.

— Отстань, созерцатель! — крикнул он из-за спины брату. — Иди, и подцепи её!

Джорджо продолжал следить за своим «сокровищем». Девушка с большим удовольствием поела и помахала пальчиками бармену, призывая к себе.

— Еще чашечка кофе, и я — твоя навеки, — сообщила она подошедшему парню.

Тот с сожалением повертел обручальное кольцо на своем пальце:

— Именно в такие моменты понимаешь, что поторопился связать себя узами брака.

Красавица весело засмеялась:

— Благодаря именно этому обстоятельству, — она легко прикоснулась пальцем к золотому колечку. — Я обратилась с вопросом именно к тебе.

Теперь они негромко смеялись вместе.

Джорджо стал меланхоличен, если бы он умел так же свободно общаться с женщинами, как Итен... уж точно не сидел бы в обнимку с лохматой болонкой... то есть блондинкой, как Итен...

— Вот глупо, Ит! Как можно жить, как ты? Вечно какие-то гонки... на прошлых ты переломал себе все кости ...

— Привирает, — успокоил Бруни насторожившуюся Сабину, — всего лишь два ребра и мизинец.

— ... ты летал на Эверест ... сёрфил на гребне тайфуна «Адель»... лазал в жерло вулкана...

— Мой семейный летописец, — пояснил Итен помрачневшей Сабине.

— ... потом начал играть... во все подряд — карты, тотализатор, бильярд, боулинг...

— ... Ни разу не проиграл по-крупному, поэтому не стоит об этом и говорить, — вяло возразил Итен. Он понимал, что брата сейчас не остановить, проще дать ему высказаться.

— Зануда! — заявила Сабина, она тоже понимала, что младшего Бруни, или Брауна, как они стали именовать себя на американский манер, понесло. — Это была плохая идея предложить ему напиться. Он не умеет пить.

— Забей! Просто поцелуй меня, — попробовал отвлечь её Итен, понимая, что сейчас Джорджо займется анализом его интимных отношений.

— ... девочки все время разные... бары... и вино-о-о, — Джорджо взглянул на дно своего пустого бокала, махнул бармену — другому — не тому, что продолжал скалить зубы с девушкой его мечты, — чтобы налил.

Кельнер налил им всем, не вино и даже не рисовую водку — они уже перешли на виски — старое доброе Rye Whisky. Выпили.

— Заче-ем? — вскричал Джорджо довольно громко. — Ты прожигашь Жизнь! Ты — промотался! Ты неспособен понять и оценить Совершенство!!!

— Позволь, взгляну на его красотку, — слегка заплетаясь языком, попросил Итен, — иначе, не отстанет.

— Никогда! Сначала — взглянуть! Потом — сказать, что самая красивая в баре!! А здесь я — самая красивая!!! Ик! Ой!

Шумная тройца у стойки бара начала привлекать всеобщее внимание.

— Говорил же, что до ужина у них дело не дойдет, — ска-

зал бармен девушке — Само Совершенство. — Пойду разгребать дерьмо.

Она взглянула на расшумевшихся посетителей и испытала непонятное беспокойство. Происходило что-то странное, их голоса она слышала, как будто через толщу воды — глухо и медленно, с каким-то изуверским подвывом.

— Взгляни-и-Ои-у! — требовал тот, что блестел очками.

— Я — саоуомая-я-я! — верещала патлатая девица.

А тот, которого она видела только со спины, сказал твердо, четко и сердито:

— Не буду я смотреть!

И в это самое мгновение она потеряла зрение, темнота обрушилась одномоментно, как будто кто-то выключил свет во всем мире сразу.

Это было сродни смерти.

Глава 4

А потом наступило прозрение...

Она ощутила ритмичное покачивание своего тела, и невероятная мысль, что вдруг снова оказалась в злополучном экспрессе, пришла к ней. Она широко распахнула глаза, радуясь, что уже может различать свет и тени. Больше того, она уже видела цветные пятна сквозь плотную белесую пелену!

А еще ее поразили звуки — какое-то позвякивание, фырканье. Звуки не таили в себе опасность, они были очень знакомы... только она никак не могла вспомнить, где их могла слышать прежде...

— Гор, посмотри. Вот она — Лидава, дочь царя...

Шепот, возникший из глубины белесой пелены, был приглушен, как будто говоривший старательно прикрывал рот ладонью.

— Не буду я смотреть! — послышалось в ответ твердо, четко и сердито. — Подумаешь, Лидава! Тем более супруга Алксиса, которого на прошлом я турнире с коня свалил. Уж был тогда он вовсе не орел, кап-лун скорее...

— Ты, видно, жить раздумал, — ещё глуше засипел первый голос. — Узнает Алксис о твоих словах... Теперь он наш сюзерен, повелитель... Хоть не давно — недавно! Неделя, как утоп его отец — Всеславный ры-

царь Валдуин. Алксис по всем законам Божьим и людским — его наследник. Мы чтить должны его.

— Я чту лишь слабости свои и повинуюсь лишь себе. А сможет ли Алксис в руках держать всё то, что содал его отец — ещё посмотрим! Пора турниров и веселья прошла. Пора трубить в военный рог, и посмотреть, Алксису ли под силу великих рыцарей сдержать у Круглого стола.

Голоса удалялись и звучали уже едва слышно.

— А на красотку его смотреть не буду ни за что! — обидный смех зазвучал и растаял, уже неслышимый.

Гнев ударил в голову, щеки запылали от досады, и она услышала свой голос, трепещущий негодованием:

— Клянусь Всевышнем, рыцарь, будет день, когда у ног моих молить ты будешь — взглянуть хоть раз!

Голос звучал, но губы не шевелились. Она была готова поклясться в этом! В испуге прижав ладони к лицу, почувствовала, что щеки мокры. И тут же поняла почему — мелкий, промозглый дождь капал на лицо. И она знала, что морось сеет уже целых семь дней. Поэтому её «ненё» — старая Каролина сердито ворчит, провожая в рощу на прогулку.

Медленно скользнув пальцами вниз по шее, ощупывая себя, пыталась осознать природу происходящего. Пальцы наткнулись на круглые, гладкие шарики...

Да! Конечно, это — жемчуг! — пальцы забегали по длинной нитке. Конечно, отец подарил ей перед свадьбой!

Она несказанно обрадовалась, что вспомнила это. И тут же одернула себя: «Подарил отец?» ... Но ведь он остался за сотню километров от Города. Страх затрепетал в ней, сотрясая тело мелкой дрожью...

Вдруг она почувствовала на своих озябших руках чью-то горячую ладонь. Её потряхивали и довольно сильно.

— Что с тобой? Тебе плохо? — голос был встревоженным и смутно знакомым.

Прозрачная муть перед глазами исчезла — будто резко сдернули покрывало, закрывающее лицо. Она увидела близко лицо обеспокоенного бармена. Долго смотрела в его черные глаза, не понимая, чего он хочет. Явно добивается какого-то ответа...

Вдруг, вспомнив те недавние звуки, которые были ей знакомы, и не узнаны, девушка поняла, что знает их природу. Она разлепила губы:

— Это была лошадь. Я ехала на лошади.

— Пожалуй, вызову врача, — решительно откликнулся парень и выпал из поля её зрения.

Девушка покинула бар, как только ладони бармена освободили её запястья.

Бармен видел, что посетительница уходит. И даже начал набирать номер знакомого врача, но передумал. Довольно того, что едва не пришлось вызывать полицию. Эта подвыпившая троица приняла попытки их урезонить весьма агрессивно.

сивно. Вот и сейчас он все еще слышит, как охранники тащат их через черный ход к парковке.

А девушка летящей походкой стремилась вперед, едва ли осознавая конечную цель своего движения. Она просто радовалась угаданному воспоминанию.

— Конечно, — восторженно шептала она, вспоминая тепло, исходящее от большого сильного животного. — Это была лошадь.

А потом страшная мысль пронзила её мозг: «Я никогда не ездила на лошади!». Девушка со стоном привалилась к мачте городского освящения, дурнота подступила к горлу...

Никогда не ешьте ворованного фрикассе из цыпленка, даже если сильно голодны...

Их здорово помяли, пока тащили от стойки. Хотя расклад мог быть совсем иным. Пожалуй, бодигардов спасло то, что вся троица едва держалась на ногах. Итен был самым серьезным противником, но это было понятно сразу, и на него навалилось трое. Сабина дралась наравне с мужчинами. Не отвлекалась на визги, обычно характерные для её женского сословия во время всяких потасовок, но все же недотягивала до полноценного партнера в драке.

Джорджо больше промазал, чем попал. А вот ему засветили весьма удачно, в том плане, что встряхнули мозги. Он значительно протрезвел и понял, что завтра узнает о себе и своем брате много нового и интересного — в печатных из-

даниях. А если сейчас затянут конфликт, могут угодить и в новостную пленку.

Уже на пути к парковке он больше помогал тащить Итена, чем сопротивлялся. Проблема усугубилась, когда ветерок с реки оказал на старшего Бруни освежающее действие. Он встряхнулся и одним резким движением освободился от противников.

Все замерли. Стало ясно, что вот сейчас-то шутки закончились. Отступить охранники не могли, а стоящий перед ними богатенький хлыщ, вдруг перестал быть хлыщом. Джорджо решился заговорить.

— Я не хотел бы огорчать отца, твое имя начнут трепать репортеры, — сказал он в наступившей тишине.

— Ах, эта традиционная забота о приличиях, — не впечатлился Бруни. Идея благоразумного бездействия его не вдохновила.

Джорджо повернулся к Сабине.

— Ты же не захочешь, чтобы твоему дружку разбили лицо до состояния хари?

— Я люблю, когда Итен дерётся.

Похоже было, что она-то совсем не избавилась от алкогольных паров. Искать в ней союзника было глупо.

— А как же его сладкие поцелуи? Вряд ли он сможет своими разбитыми губами доставить тебе удовольствие, — совсем разозлившись, припечатал Джорджо.

— Мы не планировали закончить вечер в одной постели.

Хотя идея не дурна, — неожиданно согласился Итен.

— Тогда мы пойдем? — спросила засиявшая радостью Сабина.

Ход был за ответной стороной. Вот они могли сейчас все испортить. Один уничижительный возглас или пренебрежительный жест, и Итена Бруни не удержать.

— Просто кивните, — попросил их Джорджо.

Они кивнули. Когда троица удалилась, один из охранников удивился:

— Не понял, это что сейчас было? Мы их отпустили, не наваяв как следует?

— Драться — нехорошо, — буркнул в ответ другой. — К тому же не факт, что мы смогли бы ему наваять. Неужели ты не видишь, что он без тормозов? Хорошо, что ушел. Иначе тут был бы труп — его, или кого-нибудь из нас.

Глава 5

— Спасибо, что не стал драться, — подставляя плечо брату, сказал Джорджо.

— Драться — нехорошо, — буркнул Итен. Адреналин перестал поступать в кровь, и тело его затяжелело. Ноги стали заплетаться, он пьянел на глазах. — Хотя, наверное, зря передумал. Сейчас бы попрыгал, разогрелся — все потом бы вышло.

— Как ты сядешь за руль? — ужаснулся Джорджо.

— Ничего, я сама его отвезу, — Сабина подцепила кавалера под руку и с неожиданной силой поволокла к автомобилю.

Они прошли мимо уличного фонаря, который обнимала согбенная женская фигура. Пышная юбка цвета маренго завернулась от речного бриза, открывая взору ярко-алые кружевные трусики, волосы завесили лицо, тело сотрясалось от рвотных судорог.

— Джордж, не твоя ли красотка нализалась?! — прокричал Итен, хлопнув мимоходом по задранному подолу.

Яркая вспышка, как молния озарила её сознание. И в то же мгновение она увидела СЕБЯ.

ОНА сидела на белоснежной лошади. Волосы ЕЁ, чуть приподнятые вверх тяжелым золотым венцом,

ниспадали блестящей волной до самого пояса. Платье было нежно-розового цвета с прожилками из золотистых нитей, а тонкую обнаженную шею украшала длинная нить с крупными, почти идеально круглыми жемчужинами. Она посмотрела на неё высокомерным взглядом загадочных серебряных глаз и усмехнулась.

Девушка, вскрикнув, тихо опустилась на землю.

— А бабенке-то и впрямь не сладко, — попробовал остановиться Бруни.

— Итен Бруни! — закричала Сабина. — Двоих я не осилю. Я ведь не бодибилдер. Пусть Джордж ей поможет. Спасет, или вызовет ей каталажку! Ты ведь не бросишь пьяную, облеванную бабу на газоне, Джорджо Бруни?

— Еще как брошу! — пообещал Джорджо, пытаясь идти прямо к своей машине, а не выписывать кренделя непослушными ногами.

Сабина с грузом добралась до автомобиля Итена и, зацепив его руками за открытую — с большим трудом! — дверь, сказала:

— Так и знала, что твой братец — тот еще баран! Без сострадания и любви к ближнему.

— Просто ты неправильно его попросила, — Итен качнулся, намереваясь рухнуть на землю. — Джорджо Бруни лишен сантиментов, в отличие от Джорджа Брауна.

Он закричал громко:

— Джордж Браун, вспомни про клятву Гиппократа!

Это дорогого ему стоило, он оторвался от своей опоры и рухнул на землю.

Сабина наблюдала за событиями уже усевшись за руль.

— На самом деле подействовало, отправился спасать пьянчужку, — меланхолично заявила она. — Что там у тебя громыхало, Итен? — Она завела автомобиль.

— Это громыхал я. Если ты сейчас тронешься, переедешь меня ровно наполовину.

— Если я выйду тебя поднимать, мы оба окажемся под автомобилем. А еще я подумала, что не так уж и грежу о твоих сладких поцелуях.

— Вот она правда жизни: напои друга — сразу узнаешь, что он на самом деле о тебе думает.

— Давай так: я считаю до десяти... Если за это время ты не заберешься в салон — я уеду.

— Давай...

При счете «10» Сабина резко рванула с места, проехав минут пять, поинтересовалась:

— Ты внутри? Или остался валяться в пыли?

— Пожалуй, большая моя часть внутри.

— Итен, подтяни ноги и захлопни дверь! Поверь, мне непросто поладить с твоей машиной. Руль все время заносит вправо, а глаза все время норовят закрыться.

Доехали до бунгало Итена они чудом. Что было дальше,

не помнил никто из них. Утром Сабина варила кофе и благодарила:

— Спасибо, это был самый веселый вечер за последние два года. Только, что я скажу твоему брату, если по случайности встречу с ним на каком-нибудь рауте?

— Скажешь, что работаешь девочкой по вызову — или слабо?

Совсем по другому сценарию развивались события у Джорджа Брауна. Чертыхаясь, он продрался сквозь газонные кусты и склонился над лежащей женщиной. Он не узнал в обмякшем теле Девушку Своей Мечты — «розовые очки» остались в баре. Сейчас он просто выполнял свой профессиональный долг — проверил пульс, похлопал ладонью по бледным, влажным от испарины щекам, надеясь увидеть проблески сознания. Преуспел... правда, ненадолго. Женщина зашевелила губами и застонала.

— Кто вы? Как вас зовут? — привычно вопрошал Джордж, набирая телефонный номер.

— Ли... Ли... Лидава... — прошелестело в ответ невнятно.

— Не понял, повторите громче, — настаивал он, собственно и не ожидая ответа — давал пострадавшей возможность зацепиться сознанием за реальность, но она эти не воспользовалась — замолчала и затихла.

В ответивший телефон сказал:

— Доктор Мартинес! Пришлите к бару «Просто Пью» на-

шу машину, моей пациентке стало нехорошо. Что с ней?! (Если бы я знал, то и не звонил бы тебе, болван!) Я не уверен. Она стала моей пациенткой только сегодня. Но ситуация мне не нравится. Будет неплохо, если вы поторопитесь.

Через четверть часа он отправлял девушку в клинику, где работал. Клиника экспериментальных технологий с дешёвым названием «МедЦентрСервис» — но не с дешёвым сервисом услуг! — имела широкий спектр применения.

— Может отвезем её в «Красный Крест»? — засомневался доктор Мартинес. — Обычно мы не подбираем пьяных баб на газонах...

— Поверьте, Мартинес, это — необычная ситуация. Взгляните внимательнее. У неё туфли на ногах по цене, как четверть вашей новой машины, сумочка через плечо из белой кожи крокодила... Утром её будут искать если не родственники, так полиция. — Джорджо потер гудевшую голову. — Сделайте полное обследование прямо сейчас, чтобы к утру уже был результат. Я утром заеду и во всем разберусь.

— Если вы ошибаетесь...

— То тоже САМ с этим разберусь!

Глава 6

Она вновь увидела СЕБЯ в блестящем великолепии. Только теперь ОНА восседала на узорном дубовом кресле посреди гулкой и мрачной по углам залы. Перед НЕЙ громоздились тяжелые кубки с таинственной темной жидкостью, их было непомерно много.

Она несказанно удивилась. Стол был небольшой, сидели за ним всего три человека. Высокий, крепкий мужчина, еще нестарый, но в его бороде и усах проблёскивали седые нити; женщина с бледным морщинистым лицом и властным застывшим взглядом, точно таким, как у мужчины и ОНА. Их было трое, а кубков на столе около дюжины.

Она в растерянности огляделась, обретая взглядом всю полноту открывшейся мизансцены. Троица восседала на возвышении, напротив — ближе к стенам, стояли остальные столы, создавая геометрически правильный полукруг. Целая толпа разного народа в странных и нелепых одеждах теснилась по лавкам, нависая над яствами, наваленными щедро на деревянные квадратные блюда. Фигуры были застывшими в совершенно невероятных позах, как будто играли в детские «замиралки». «Как декорации к плохому спектаклю, — подумала она с трудом через давящее на уши безмолвие.

Среди этого немого, бездвижного царства только ЕЁ фигура дышала жизнью, только ЕЁ глаза призывно сверкали. И

в этих глазах она читала призыв: **ИДИ СЮДА, НЕ БОЙСЯ!**

Влекомая этим заклинанием и желанием обрести хоть какое-то понимание происходящего, она двигалась до тех пор, пока не приблизилась вплотную к СЕБЕ.

«Не делай этого!» — сказал ей голос разума в последнем усилии предотвратить неизбежное. Замерев на мгновение, она сделала последний шаг, сливаясь с СОБОЙ во едино. Тотчас все вокруг ожило, задвигалось, зачавкало, загремело кубками, засмеялось и закричало. Тотчас все вокруг стало привычным... и надоевшим до безумия!

Лидава, сучая, смотрела как в очередной раз оруженосец мужа — проворный, крепкий пройдоха Жакоб — принес на серебряном подносе массивную золотую цепь. Как муж её — Алксис с елеем на лице водружает этот дар на шею одного из рыцарей и что-то доверительно шепчет, склоняясь к хмельной его роже. Она знает, что он прошептал. «Мы теперь как звенья этой цепи»... Она знает, что сейчас наступит её черед...

Лидава протянула одаренному цепью рыцарю и свой дар хозяйки замка — один из кубков, стоящих перед ней. Обласканный вояка, проглотив вино из кубка, облизывал ей пальцы. Упав на колени («Скорее от ударивших в голову винных паров, чем от почтения! — зло подумала Лидава), и мусоля тонкую руку, шептал:

— О, несравненная, прекрасная Лидава...

Она и не пыталась отобрать ладонь, как будто происходящее её и не касалось. Лицо её было высокомерной, холодной маской. А руку после завершившегося «поклонения» она без колебания прополоскала в одном из кубков — желание смыть вонючую слюну стало непреодолимым.

Она взглянула на мужа — вот этот самый кубок вручить ему бы! За то, что заставил участвовать во всем этом непотребстве.

Алексис бал занят разговором с матерью. Лидава слышала их шепот.

— По-моему, все это — мотовство. От золота у нас не ломится казна, — ворчала Аливия.

Алексис отвечал, и злой его шепот никак не вязался со сладким выражением лица, намертво прилепившемся к его ланитам.

— Так нужно, — шипел он, — Побольше лести — взяться мягкой лапой, чтобы когтей не видели. И, раз — держа-а-ать! Они пока нужны мне очень... Но до срока... Скоро срок придет, и цепочки эти камнем им на шею лягут! А нынче нужно их умаслить...

Лидава отвернулась. Вытирая руку кружевным платком, поднялась, окинула взором зал — сколько еще рыцарей осталось? А шепот мужа продолжал биться ей в уши.

— Вот этот — распутник, бражник, да к тому же — песнеплёт! А ну-у-у-жен! Ленные его владенья на западном рубеже. И воины все крепки у него, умелы и не ленивы. Он — первый щит для нас от шайки Дуга Дорварда. Поэтому — улыбку шире!

Лидава, подхватив очередной сосуд с вином, повернулась к рыцарю и задрожала от злости. Она его узнала — тот самый насмешник, что не пожелал взглянуть на неё! Шарахнуть кубком по голове, потом носком туфли под вздох! И по бесстыжим губам!.. В мыслях она уже распяла своего обидчика.

А тот был уже рядом — опустился на колено и смотрел насмешливо своими окаянными синими глазами... Рука леди предательски дрогнула и вино, перехлестывая через край кубка, полилось рыцарю в лицо.

Лидава не стала прерывать случайно начавшийся процесс, уголки её губ презрительно скривились:

— Какая жалость, ваше вино пролилось на пол, — она перевернула кубок вверх дном, чтобы не оставалось сомнений в правдивость слов. — Вот оно! — её пальчик указывал на грязный затоптанный пол.

Позади приглушенно ахнула Аливия.

— Клянусь, она это нарочно!

— Вот подлое создание! — откликнулся сын и быстро поспешил к месту происшествия. — Подайте еще вина для доблестного рыцаря Гора, — улыбаясь жиз-

нерадостно, попросил он жену. А сквозь стиснутые зубы добавил слышное только ей — злобное, — как вы неловки...

Вся краска сбежала с лица облитого рыцаря, глаза его приобрели стальной оттенок.

— Нет, господин, вино мне намочило губы, как будто я и выпил.

Вокруг все зашушукались — простодушный ответ никого не обманул.

Лидава торжествовала — ей удалось согнать насмешку с ненавистного лица! — впервые за вечер она улыбнулась.

— Смотри, смотри — развеселилась! — посунувшись к сыну, зашелестела, как старая моль Аливия.

— Зачем вы это сделали? — тихо и свирепо спросил Алксис. — Вы нарушаете мои планы.

— Кубок был тяжел, — а взгляд с удовольствием следовал за мокрым, взбешенным Гором.

Гедевин Гор, вытирая полый рубахи мокрое лицо, опустился на скамью рядом со своим молочным братом Свитом.

— Ты видел?

— Все видели...

— Она не захотела мне дать руки и кубок уронила нарочно!

— И что теперь? — Свит меланхолично пожал пле-

чами — он не находил особых причин для волнения.

— Конечно, мы уедем. Всех собери! — доблестный рыцарь сдернул подаренную цепь с шеи. — И Алкисис долго будет помнить этот дар. Без нас ему придется совсем несладко. Помнишь, Дуг Дорвард звал нас на турнир — стрелять из лука...

— Занятие скорее для пажей, чем для мужчин, — заворчал Свит.

— Возможно, но мы поедем. Ведь мы — соседи, добрые, причем.

Свит поднялся, чтобы выполнить поручение, но был притянут сильной рукой своего брата и одновременно господина почти вплотную. Властное лицо Гора зажглось нешуточным возбуждением:

— Только руки её коснусь я всё равно!

Теперь меланхолия покинула парня, заявление пришло ему не по душе:

— Что ты задумал?

— Не долго ждать — увидишь сам, — пообещал рыцарь, развеселившись.

Доктор Мартинес всю дорогу до клиники внимательно наблюдал за пострадавшей. Вначале он тоже был весьма обеспокоен ее синюшной бледностью и холодной испариной на лице, но по мере движения ситуация изменилась. Теперь он видел перед собой просто спящую женщину. Правда черты

ее лица не были спокойны и умиротворены, а озарялись отблесками внутренних эмоций. Она то хмурилась, то улыбалась... Сейчас доктор мог бы говорить только о повышенной лабильности пациентки... или о сновидении под влиянием каких-то наркотических препаратов... Может быть, именно об этом и хотел узнать Браун?

Привести в чувство даму простым механическим воздействием им не удалось, а лекарственную терапию Браун отверг...

По приезду, передав девушку на попечение санитаров и дежурной медсестры, он решил позвонить своей подруге. Медсестра спросила, хоть несмело, но твердо:

— Назначения какие-нибудь будут? Мистер Браун звонил недавно, просил отнестись с вниманием... беспокоился.

— И напрасно, — буркнул Мартинес, набирая номер, — Взгляни, не слишком у неё плачевный вид... Еще минут 15 она потерпит. Помести её в палату — и не парься!

Трубка откликнулась протяжным: «Аллёу!».

— Мардж, куколка, ты еще не спишь?..

О, Мардж не спала! Она поведала каким образом собирается еще дольше не спать, и доктор Мартинес, позабыв о ночное пациентке, поспешил отправиться к своей неспящей подруге.

Медсестра — Лора Лоуд, вернувшись в приемную, обнаружила лишь небрежно брошенную на кушетку рабочую куртку доктора Мартинеса.

— Полагаю, «не парься!» — и было врачебным назначением, — пробормотала она, и решила на самом деле — не париться!

Глава 7

Ночь пахла цветами...

Тоскуя по родным местам, богатым зеленью и разнообразием красок, молодая жена Алксиса украсила цветочными посадками практически все свободные от хозяйственных нужд уголки замка. Алксис не спорил, просто смеялся:

— Прикажете лошадям не есть ваши посадки?!

— Нет, — Лидаву не просто было заставить передумать, — Это ВЫ прикажете рыцарям, чтобы их лошади не ели мои посадки...

Случилась бы очередная ссора, если бы Аливия не прошуршала, возникнув как всегда внезапно и не слышно за спинами супругов:

— Пусть растут, спасут, быть может, от запаха навоза и нечистот...

— Спасут, конечно, — просияла дочь царя, радуясь неожиданной поддержке. «Особенно после того, как я распорядилась вывезить навоз и нечистоты в овраг за стены замка», — добавила в уме.

Теперь во всех, порой невообразимых местах, торчали мохнатые головки клевера, разлапистые корзинки поповника, топорщились колючками розовые крестовины шиповника. А среди них пробивались тонкие

стебли невзрачных ночных цветов, которые лишь к вечеру открывали свои тусклые лица, издавая, однако, такой аромат, от которого кружилась голова.

Ночь пахла цветами...

Две фигуры, замотанные по самые брови в черные плащи, крались по галереям замка.

— Как тебе это удалось? — прошептала одна из них.

Вторая в ответ приглушенно засмеялась:

— Все просто — пустил в оборот кусочки нынешнего дара. Металл презренный на подкуп «плюс» изобилие вина на пирушке... и все ворота Замка этой ночью наши — твои и мои! Но только, тихо, Свит, тихо...

Однако Свит продолжал бормотать:

— Отдать столько золота... За что? Зачем?! Не даром твоя матушка твердила вечно — «Гор — просто-филя!».

— Умолкни, мы — у цели, — незлобно в бок ткнул Гор приятеля. — Ну, помоги мне.

Помолясь в душе, Свит подналег на тяжелую дубовую дверь. И она — о чудо! — тихонько приоткрылась.

Зал с узкими окнами и огромными тёмными нишами освещал лишь пламень горящего камина. Эта комната мало подходила для спальни — и все же это была спальня. Широкая кровать с непривычным для взора посетителей занавесом из полупрозрачного шелка

свидетельствовала тому.

— Пятая дверь в правом крыле, в круглой башне... Не обманул, каналья... — тихо заметил Гедевин Гор, берясь руками за полог. Осторожно отвел ткань в сторону — вдруг, обманул в другом! — не знаешь, что найдешь...

Тепла от очага, как видно, было достаточно, чтобы согреть место, занимаемое постелью... потому что женщина спала полностью обнаженной. Лишь рассыпавшиеся волосы прикрывали ее наготу.

Зрелища прекраснее Свиту не приходилось видеть, он замер, забывая дышать. Благоговейную тишину прервал весёлый смех Гора. Он уже без стеснения отдернул шелковый полог.

— Вот теперь её руки — мои!

— С ума сошел! Разбудишь, будет тарарам! — побелев от ужаса, зашипел бедный Свит.

Дьявольская ухмылка пробежала по губам Гора:

— Ну, что ты, царевны спят сладко. Безмятежным, крепким сном.

— Тобою движет дьявол, — Свит заметался по зале, выискивая укромное местечко. Он был уверен, что их заметят и начнется шум. Да что там шум... — начнется светопреставленье! Ничего кроме кровати и громоздкого камина, за угол которого он и присел, в зале не было. — Иди сюда, за ради Всех Святых!

— Ну что ты, дурень? Посмотри сюда!

Свиту показалось, что голос разносится по всем закоулкам огромного Замка. Гор взял руку женщины за тонкие пальцы, пригнулся и припал к нежной коже жгучим варварским поцелуем.

Крик женщины был пронзительным и неимоверно громким. При всем его бахвальстве заставил Гора с проворством дикой кошки присоединиться к молочному брату — за угол камина.

Лидава кричала еще во сне. Очнулась — сердце билось у горла, готовое выскочить наружу.

— Каролина, Каролина! — голос дрожал.

На удивленье, громкий крик привлек лишь старуху. Она пришла неторопко, шаркая по каменному полу босыми ногами.

— Что, золотко моё, что тут случилось? — спросила баба, позёвывая.

Громко, сумбурно, блестя потемневшими от страха очами, Лидава забормотала:

— Мне сон ужасный снился. Будто тролль лохматый гнался вслед за мной. Я убежала и почти спаслась... но он догнал, схватил... И молнии из глаз его лились! И мне плечо пронзили! Вот здесь, вот здесь — смотри! Горит!.. и я дрожу... О, ненё, я — боюсь...

Обняв свою госпожу, старуха замурлыкала что-то, заговорила, будто песню завела. Голос её журчал,

успокаивал, навевая дремоту и спрятавшимся за камином в том числе.

— Вот — чертово отродье! Ведьма! — заплевал Свит, — усыпит, потом оскопит...

— Я дам настой из маковых цветов и сны тебе приснятся весёлые, — покопавшись в складках своей огромной юбки, баба вытащила пузырек темного стекла. — На выпей!

Каролина вновь «замурчала», пока Лидава не откинулась, умиротворенная, на свое ложе. Старуха склонилась, над ней, пошептала, поплевала через плечо, а потом выпрямилась и пронзила темноту взглядом. Казалось, что зрачки её вспыхнули желтым огнем.

— Кто бы тут ни был, — сказала баба громко. — Я всех найду! Возьму лишь факел в руки...

Шаркающие шаги уже не казались неторопливыми, а голос своим обещанием не дарил надежды.

— Скорей идем! Ты что стоишь, как пень? — засуетился Свит. — При случае старуха эта не уступит в схватке любому мужику.

— Нет, не уйду, — глаза Гора горели безрассудством. — Хочу еще! — Толкнув друга, он устремился к постели спящей.

— Хоти-хоти, пока хотелку не оторвали... — завопил Свит, бросаясь прочь, куда глаза глядят.

Оказалось, глаза глядели не туда, куда следует — он

долго плутал по темным переходам, уже без надежды найти выход. И случилось неизбежное — наткнулся на человека, караулящего в темном углу. Свит разинул рот, чтобы взвыть от страха, но ужасающая тень голосом Гора предупредила:

— Восторги встречи оставь при себе.

Вытерев холодный пот со лба, запинаясь и дрожа, Свит попытался удивиться:

— Ты что-то очень быстро возвратился. Старуха прогнала? Иль сам собою оплошал?

— Вот говорить сейчас — не время, — Гор, уцепив брата за воротник, бежать пустился.

За это время Свит, приободрившись, уж превратился в молодца. А поняв, что белесый сумрак перед глазами ни что иное, как туман, и Замок с его причудливыми переходами, злобными старухами и нагими царевнами остался позади, вообще пришел в хорошее расположение духа.

— Ответа на вопрос я не услышал, — засмеялся он в лицо Гору.

— Она спит, — коротко и зло ответил Гедевин.

— И что же? Это тебя остановило? Прежде ты не был так разборчив...

— Я — передумал, — раздраженно отмахнулся Гор. — Ведь согласишься, царевна — все же, не блудница у тетушки Пикар. Я — передумал.

— Любой поверит этому, я — нет! Ты просто придумал что-нибудь поинтересней. Признайся!

— Как ты прозорлив! Жив будешь — все увидишь сам. Не долго ждать! — Гор засмеялся, но в смехе его не было веселья.

Глава 8

Весь остаток ночи Джорджо донимали сновидения. Он снова и снова пил в баре с Итенем, потом ругался с Сабинной... Снова пил и снова ругался... А завершалось все девушкой, которую он подобрал на газоне. Она лежала среди пыльной травы — одинокая, покинутая, и он — Джордж, никак не мог подойти до неё. Как только наклонялся над телом, тут же оказывался вновь в баре — пил с Итенем и ругался с Сабинной. Этот нескончаемый рекламный ролик бара «Просто Пью» вконец измотал парня.

Он очнулся с тяжелой головой, кислой отрыжкой и вертящемся на языке слоганом для «Просто Пью», порождённым сном: «Просто Пей — на всё забей!»

Джордж не торопился подниматься с постели. Привычка анализировать свои мысли и поступки стала такой же потребностью, как чистка зубов по утрам. А сегодня это было просто необходимо. Ведь не зря же мозг возвращал его в этот злополучный бар, ведь было же там что-то большее, чем пьянка с Итенем и ссора с его девчонкой. Что-то кроме перепившей дамы и её глубокого обморока... такого глубокого, что весьма интенсивные хлопки по щекам и пары нашатырного спирта не возымели своего действия.

Джорджо напряг извилины... Было что-то светлое, запоминающееся, которое оказалось погребенным под слоями

негативных эмоций, сопровождавших весь этот дурацкий вечер...

Решительно не мог ничего припомнить!

Телефонная трель пронзила мозг, запуская механизм пульсирующей в виски боли.

— Кто бы ты ни был — умри! — прошептал Джорджо в трубку.

— Голова болит? — жизнерадостно поинтересовался Итен. — Можно смешать отвар трех апельсинов с колой, добавить грамм 50 виски и махнуть — залпом! Всегда помогает.

— У меня нет отвара апельсинов... и сил его готовить тоже...

— Но кола-то есть? Добавь виски — и залпом!

— И колы — нет! Не люблю напиток тинэйджеров, ты же знаешь.

— Джорджо! Просто выпей немного виски — станет легче. Главное — не переборщи! Ошибешься в дозировке...

— И что будет?

— Варианта — два. Или тебя вывернет наизнанку, освобождая организм от интоксикации алкоголем, или ты снова будешь пьян...

— Хорош советчик! — Джордж выбрался из постели. — Мне на работу нужно. Так что обойдусь аспирином, а не твоими доморощенными методами. Скажи, было вчера вечером что-то приятное, что могло бы оправдать сегодняшнее по-

хмелье?

— Конечно. Ты вчера едва не влюбился...

При этих словах Джорджо как будто прозрел. Он увидел её — Само Совершенство на пороге бара. Увидел всю до мельчайших подробностей — чуть прихваченные бархатной лентой — он был уверен, что именно бархатной! — волосы пушились. Цвет их был сродни цвету выдержанного коньяка — так же переливался и менялся, вспыхивал искрами и темнел, а иногда напоминал языки пламени. Так же постоянно менялось её лицо — и невозможно было определить красива ли она? Одно было очевидно, она — неповторима. Именно эта неуловимость, это непостоянство и было главным очарованием.

— ... правда, струсил в самый нужный момент, — продолжал раскрывать секреты Итен. — Или тебе нравится больше — проявил нерешительность?

— Желание обладать Совершенством — кощунственно, — буркнул Джордж.

— Всегда знал, что ты — созерцатель, а не человек действия. И знаешь, Джорджо-бой, это перестало казаться мне забавным. Я разочарован!

Трубка наполнилась тишиной, той самой — механической, от которой становилось ясно, что тебя покинули, даже не сказав «пока» на прощание.

Джордж с раздражением бросил телефон на диван.

— Что ты об этом знаешь?!

Но мысль, что Девушку Своей Мечты он сможет воскресить только в своей памяти, царапала душу. Поэтому Джордж постарался поменять «минус» на «плюс». «Ты сможешь видеть её каждое мгновение, такой, каким запомнило её твое сознание... И тебя никогда не настигнет разочарование». Он закрыл глаза и постарался вспомнить все мельчайшие детали в облике своей будущей Мадонны.

В одежде — светлое пятно сверху... практичный цвет ниже... на ногах... неожиданно яркие детали... белое пятно дамской сумки...

И тут наступило озарение!

Легкий пиджак бежевого цвета... юбка цвета маренго... модные туфли с золотистой стрелкой на каблуке... сумочка из кожи белого крокодила...

Само Совершенство ждет его в клинике!

Никогда прежде Джордж Браун так быстро не собирался на работу, и никогда в жизни так быстро не ездил на автомобиле...

Спешил на работу и доктор Мартинес. С утра, припомнив события минувшей ночи, здраво рассудил, что отнесся к своим профессиональным обязанностям прохладно. Напрямую пренебрег указаниями своего коллеги... Который!!! Именно со вчерашнего дня превратился в его начальника!

Конечно, старый профессор Вильямс имел право делать со свои детищем — клиникой экспериментальных технологий — все, что считал нужным. Но назначить генеральным

директором доктора Брауна — юнца, без должного опыта работы! — было вопиющей несправедливостью на свете. Что и было подтверждено поступками этого выскочки — с радости надрался до чертей и принялся подбирать пьяных девиц по тротуарам!

А эта внезапная забывчивость в отношении врачебного назначения оказалась, наверное, протестом подсознания... Утром пришло понимание, что в сложившейся ситуации нужно постараться сохранить лицо и не потерять работу. Поэтому Мартинес очень спешил.

Ситуацию он исправит, скажет, что пациентка сама попросила отложить обследование на утро... Главное, чтобы новоявленный босс застал его на работе, в разгар трудовой деятельности — как раз над анализами этой пьянчужки.

Он ошибся, исправить ничего не удалось. На его деятельный призыв подготовить ночную пациентку к прохождению МРТ Лора Лоуд флегматично ответила:

— Некого готовить, дама нас покинула.

— То есть как покинула?

— Проснулась рано, сказала, что благодарит за приют и не считает нужным задерживаться дольше, — ровно изложила медсестра.

На самом деле разговор вышел немного другим... Лора заявила к ней с градусником, решив, что хоть какая-то медицинская запись в карточке с заголовком «Неизвестная» должна появиться. Тихонечко «застрелит» пациентку из ин-

фракрасного градусника, запишет цифры — и совесть её будет чиста.

Девушка спала, завернувшись в покрывало, как в кокон, а лицо было завешено переплетенными прядями волос. Лора нагнулась, пытаясь отыскать кусочек голой кожи...

— Чем это изуверски пахнет? — сонно поинтересовалась дама, и тут же открыла глаза. Сквозь частокол каштаново-рыжих прядей глаза смотрели пристально и были неожиданно серебристо яркие. — Вы что, любезная, искупались в вишневом варенье?

«Это она о моих элитных духах? — 20 долларов за флакончик!» — возмутилась до глубины души Лора.

— Я вам — не любезная! — зло ответила мисс Лоуд. — Я — медицинский работник.

— Рада это слышать, — пациентка проворно поднялась и потянулась за своей одеждой, аккуратно сложенной на прикроватной банкетке. — Вы — не прислуга, и мне не придется обучать вас правилам этикета — достаточно будет просто покинуть это место.

Лора потеряла дар речи. Нет, слова у неё были, но своим содержанием они не гармонировали с обстановкой элитной клиники. Поэтому она сосредоточилась на том, чтобы не дать этим словам вырваться наружу.

Вот так, собственно, они и расстались... Но Лора не собирается всех посвящать в подробности этого расставания.

— Тогда у тебя проблемы, Лора Лоуд... — злобно защи-

пел Мартинес.

— С больной головы — на здоровую! — не преминула раздраженно откликнуться медсестра.

Через секунду они орали друг на друга достаточно громко. На шум прибежал медбрат — проворный, худощавый студентик, подрабатывающий ночным смотрителем. Несколько минут он слушал их перепалку, вникая в тему, потом весело заржал, что само собой послужило прекращением ссоры.

— Прикольнo! Щас все разрулим. Вижу два варианта. Первый, — он ткнул доктора пальцем в бок, — сразу начинаешь виниться — «прости засранца»!

— Норман, ты с ума сошел? — попыталась осадить парня Лора.

— Ничуть. Это вы оба — тупоголовые бараны. Без обид! Факты говорят!

— Какие факты? — побагровел щеками доктор Мартинес.

— Обыкновенные. Профессор Вильямс большой друг папаши нашего Брауна. Поэтому по факту! — Джордж Браун — наш босс, и спорить, а тем более вредить ему — глупо. Особенно если знать, как правильно написать на бумаге фамилию Браун. — Он подsunул Мартинесу лист бумаги. — Пиши.

— Браун и Браун, — раздраженно буркнул доктор, отгаливающая листок.

— Не-а, — паренек сам чиркнул на бумаге и протянул Лоре. — Читай!

— Бруни... — прочла медсестра. — Что? Тот самый?

— Медтехника, витамины, пищевые добавки... Сеть магазинов по всей стране. Коллеги, наш новый босс — Джорджо Бруни.

— Да с чего ты взял, недомерок?! — Мартинес не сдавался. — Домыслы твои...

— Не-а. Все правда. Я погуглил ночью. В сети все есть, и фотки... А вы попали! Так что, учи речь, Мартинес. Можешь поплакать для правдоподобия... — паренек засмеялся снова, — Я — домой, смена закончилась.

— Ненавижу этого придурка, — прошипел доктор, и непонятно было к кому относились его слова: к студенту без комплексов и почтительности или к новому боссу. — А второй вариант? — прокричал он уходящему.

— Лучшая защита — нападение! — откликнулся Норман, не оборачиваясь.

— Что делать то будем? — растеряно спросила Лора Лоуд. Договориться они не успели, Джорджо Бруни — молодой, стремительный, полный ожидания и надежд предстал перед ними — и нужно было держать ответ.

Доктор Мартинес принял слегка удивленный вид:

— Собственно, я не нашел никакой патологии: девушка спала с румянцем на щеках. И, судя по мимике, сны были довольно приятные. Пульс ровный, давление в норме, дыха-

ние тоже... Я не стал ничего предпринимать. Только поручил сестре Лоуд следить за её состоянием.

Лоре ничего не оставалось, как поддержать доктора. Она преувеличено деловито подтвердила:

— Пациентка проспала, как младенец до утра. Ни разу не чихнула, не икнула, не охнула. Иначе, я тотчас бы сообщила доктору Мартинесу. Мой полный отчет вы найдете в медицинской карте. «Какой бред я несу!» — билась мысль в смятенной голове.

Впрочем, Браун её и не слушал.

— То есть, вопреки моему распоряжению — сделать полное обследование, вы решили поступить по-своему? — уточнил он у Мартинеса голосом, потерявшим изрядную долю жизнерадостности.

— Вчера вы не могли адекватно оценивать состояние пациентки, поэтому я взял на себя смелость...

— Вы — смелый человек, Майкл Мартинес?

Поинтересовался Джордж каким-то особенным тоном, который разом уверил доктора Мартинеса, что фамилия босса пишется именно Бруни, и никак иначе.

— Перед вашим приходом я решил вновь её осмотреть, — зачастил Мартинес, решив вывалить все новости разом. — Но она отказалась. Сказала, что ей здесь нечего делать... и ушла.

— Девушка уже ушла? Почему вы не задержали до моего прихода?

— У меня не было причин её задерживать.

— У МЕНЯ были на то причины!

— Мне о них ничего не известно. К тому же, я — врач, а не надзиратель! — Мартинес решил идти ва-банк. — Врач — с хорошей репутацией!

Голова Джорджа наполнилась холодным бешенством, голос зазвучал очень весело:

— О, простите меня, Майкл. Вы много делаете для нашей клиники. Ваш бескомпромиссный труд — основа нашего успеха. А ваша репутация — наше лучшее достояние! — Улыбка косо сошла с его лица, осталось одно бешенство. — Только знаете, Майкл, нет на свете вещи более хрупкой, чем репутация, разве что яичная скорлупа.

Неожиданно Лора Лоуд встала между мужчинами и сказала, глядя боссу прямо в глаза:

— Она оставила вам записку, — и вытащила из кармана униформы маленький листик.

Джорджо развернул послание.

«Доктор Браун, не забуду Ваше участие и помощь. С благодарностью Тиана Райдер».

Медленно скомкал лист в руке, лицо его преобразилось. Он стал похож на проткнутого булавкой жука.

— Бешенство ему было больше к лицу, — прошептала Лора, тихонько потянув Мартинеса в сторону — самое время было избавить босса от постороннего присутствия.

— Как ты вовремя вмешалась, — удивился Майкл Мар-

тинес.

— Я подумала, он просто не успел разжиться ее телефончиком... и не ошиблась. Все вы, мужики, думаете одним известным местом.

ИЗНАЧАЛЬНО. Эпизод 1.

1.1

Двухэтажный особнячок в лучах заходящего солнца выглядел как кукольный домик. Веселой расцветки — желтенький, с красной крышей, подсвеченный последними отблесками дневного света, ожидал — вот-вот подъедет на красной спортивной машинке златокудрая Барби со своим неизменным другом Кеном...

Впрочем, Кен в этом доме уже был. Худощавый молодой человек, немного сутулый, скорее от того, что его рост был намного выше среднего и заставлял все время пригибаться, чтобы общаться с другими людьми. Выглядел он сердито, бегал взад-вперед по дорожке среди цветочных клумб.

— Нет, Хелли, без тебя я не поеду!

Его Барби — по имени Хелли Райт взирала на метания супруга не менее сердитым взглядом.

— Я чувствую себя на этих вечеринках слоном, гиппопотамом и тюленем одновременно.

— Ну, бред, Хелли! Полный бред! Беременность не безобразна!

Женщина расправила свое просторное платье в мелких маргаритках и цветках клевера по подолу и недовольно

вздохнула:

— Особенно, когда Вик заявится со своей длинноногой секретаршей. Из одежды на ней будет только браслет со стразами, остальное — хоть с лупой поищи! А тут я — со своим пенным кружевом! — Она довольно проворно поднялась со скамейки и закружилась, разметав вокруг не только полы одежды, но и золотистые локоны прически. Улыбка расцвела на её лице, когда муж поймал её в свои объятия и прижал к груди.

— Я чувствую себя пивным бочонком на тонких ножках, которые вот-вот подломятся. Одно только радует меня — уже скоро ЭТО случится, и я освобожусь от этой тяжести, от этой вечной дурноты и изжоги!

— Ты просто устала, девочка моя. — Кен поцеловал жену в лоб. — Поэтому я никуда не поеду, мы проведем весь вечер вместе. Я помогу тебе подобрать бисер. Ведь ты хотела подарить своей маме вышитую игольницу?

Не размыкая объятий, они опустились на скамейку. Хелли положила голову на грудь супруга.

— А что же Вик? Он будет тебя ждать... Эта встреча так важна для вашего бизнеса, ты сам мне говорил...

Кен на мгновение замер, ощущая себя совершенно счастливым человеком. Его любимая в его объятьях... — остановись мгновение!

Они были женаты уже пять лет, срок не малый, но Кен по-прежнему самозабвенно любил свою «малышку» Хелли.

Эта запоздалая беременность привнесла в жизнь Кена Райта тревожное ожидание, он готов был носить жену на руках в буквальном смысле слова. Любое ее желание, любой каприз исполнялись сразу. Окружающие считали, что Райт сходит с ума в предвкушении отцовства. Кен не разубеждал их, но себе-то он не лгал никогда... Будущий ребенок не волновал его так уж сильно. Он боялся потерять Хелли... Если бы он мог, то сам бы выносил и родил этого ребенка!

Каждый понедельник он вместе с женой навещал доктора Холмса, получал дозу успокоительных слов о том, что все протекает нормально, слегка успокаивался... до следующего понедельника.

— Именно потому, что ЭТО должно случиться уже скоро, — сказал он жене, — я в понедельник, попрошу доктора поместить тебя в клинику. Ты будешь под наблюдением, а я буду спокоен.

Хелли тяжело вздохнула и решительно освободилась от объятий супруга.

— Кен Райт, твоя чрезмерная забота меня утомила. Ты немедленно отправишься на встречу с Вико Бруни! — безапелляционно заявила она.

— А ты в понедельник согласишься лечь в клинику, — в тон ей ответил муж.

Похоже, они пришли к соглашению. Кен заторопился — встреча с Вико, действительно, была важной. Предстояло посетить важное место и свести знакомства с важными людьми.

Хелли, вернувшись в дом, помахала ему рукой из окна второго этажа. Она улыбалась, глядя во след своему мужчине. Она знала, что сейчас произойдет... Он затормозит у дома миссис Томсон — та как раз в это время поливает свои тюльпаны! — и попросит женщину чуть позже заглянуть к своей жене под каким-нибудь благовидным предлогом...

Пожалуй, провести время, оставшееся перед родами, в клинике доктора Холмса не такая уж и плохая идея... А еще нужно приготовить кекс и заварить цветочный чай, визиты миссис Томсон никогда не бывают короткими.

Как не торопился Кен, он все же опоздал.

Дом профессора Кейна был полон приглашенных, расфуфыренные пары сновали из угла в угол, в поисках развлечений, в коих не было недостатка. Вот там можно было сыграть в бильярд — не просто так! И не за деньги — на раздевание! В другое время Кен не преминул бы присоединиться к веселой полураздетой компании бильярдистов...

В другом конце обширного зала играла музыка — старый добрый джаз приглашал принять участие в танцевальном марафоне. Неподалеку фокусник в черном цилиндре вытаскивал за уши кролика из китайских ваз, расставленных по кругу. Угадай, в которой прячется! — и получишь это самое животное в подарок...

Немногие знали, что весь этот праздничный антураж был лишь маской, надетой на изменчивое лицо актера. Прикрываясь блеском роскоши, веселыми играми, хмельными пара-

ми легких разноцветных коктейлей — которых наливалось здесь щедро и несчетно — в этом доме, в дальних его комнатах вершились великие дела. Каждый, кто хотел преуспеть в своем бизнесе и уверенно шел по этому пути, рано или поздно попадал в дом профессора. Сегодня заветные двери открылись для Кена Райта...

— Ты все же опоздал. — Вико Бруни посмотрел на приятеля хмуро. — Где Хелли?

— Решила остаться дома, ей нездоровится.

— Моя Труди тоже меня прокатила. Чертовы бабы, сговорились что ли?.. А опоздать на такое мероприятие — верх безрассудства, — сердился Вико.

Кен довольно инертно пожал плечами, сделанного не воротишь.

— Все так плохо? — лишь спросил он. — Тогда пойдем тащить зайца из вазы. Хелли нравятся зайцы ...

— Самое главное твое достоинство, Кен — уравновешенность. Я не знаю вещи, которая смогла бы заставить тебя волноваться, — продолжал сердиться приятель.

— Самое главное мое достоинство — умение анализировать, — возразил Райт. — Брось, Вико, если бы все было фигово, ты бы не волок меня сейчас всеми этими коридорами...

Бруни засмеялся:

— Ты — ещё и везунчик! Профессор затеял там представление для избранных — то ли спектакль, то ли стриптиз... А может быть и то, и другое... Так что — мы не опоздали. —

Он сунул в руки охраннику, стоявшему у двери в большой зал, какой-то жетон и втолкнул Кена внутрь помещения.

Зал встретил их полумраком, интимной обстановкой большого, по существу, ресторанного помещения — за столиками так же сидели, пили, смеялись и разговаривали. Единственным дискомфортом звучала музыка, она была напряженной и тревожной.

— Как в плохом ужастике о ходячих трупах, — буркнул Кен, падая на один из стульев.

— Так оно и есть, — рассмеялся в ответ Бруни. — Взгляни, — он махнул в сторону небольшой эстрады, на которой практически голая женщина нависала над полуголым мужчиной.

Райт рассеянно взглянул:

— Она собралась пить кровь, или нам решили преподать уроки Камасутры?

— Все гораздо серьезнее. Профессор откопал в старинном манускрипте описание Ритуала воскрешения из мертвых. Так ведьмы в Средневековье спасали умерших — далеко не всех! Только самых дорогих для сердца или кошелька. И слава Создателю, что эта манипуляция была небезопасна для здоровья ведьм, не то бы весь мир заполонили зомби.

— Это — тоже ведьма? — Кен с проснувшимся интересом взглянул на представление.

Женщина выполняла какие-то круговые движения руками на уровне своего солнечного сплетения, её обнаженные

груди подпрыгивали, лоснились потом, а по шее струился целый ручеек. Сомнений не было — артистка трудилась на совесть. Подсветка была весьма искусно поставлена — каждое движение было заметно и подчеркнуто световыми переходами.

— Это — Элиза Тилл. Суперзвезда! Думаю, что Профессор отвалил ей за это выступление целое состояние.

— Давайте вручим ей Оскара, — флегматично откликнулся Кен, он уже потерял интерес к творящемуся на сцене и потянулся к бутылке виски.

— Ты не понимаешь. Она на самом деле пытается воскресить умершего.

— На сцене — труп? Ты гонишь...

— Нет. Есть даже документальное разрешение родственников для проведения этого научного эксперимента.

— Откуда знаешь?

— Винсенте, мой старший брат, имеет бизнес и связи в медицинских кругах. Он помогал Профессору подобрать свеженький труп и осуществить рекордно быструю доставку. Ведь труп, наверное, должен быть достаточно свежим, чтобы эксперимент состоялся?

— Бред какой-то! Разве можно предсказать, когда именно человек умрет?

— У Винсенте есть такой парень — Умберто, который не признает слово «невозможно». Если тебе интересны технические подробности, могу познакомить. Он тебе расска-

жет, как все обстригал. Через пять минут после фактической смерти труп был на сцене, и Элиза Тилл начала трудиться. И знаешь, — Вик засмеялся. — Она пыхтит уже полчаса, а результат нулевой. Из чего следует, что Ритуал этот — дерьмо! Скорее наша дива окочурится, чем мужик воскреснет.

— Судя по тому, как она старается, её цель — самоубийство. — согласился Кен. — Но баба — красивая!

— Можешь познакомиться. Ты здесь для того, чтобы познакомиться с разными людьми и произвести на них впечатление.

— Хорошее?

Бруни засмеялся:

— А какое хочешь! Главное, чтобы ты запомнился. Хочешь быть клоуном — будь им! Только амплуа определяешь сейчас и навсегда... каким ты хочешь быть, Кен Райт?

— Не поверишь, ОБЫКНОВЕННЫМ. Что, прямо могу ходить по залу и ко всем приставать?

— Тем и ценятся встречи у Профессора, что здесь все условности остаются за порогом его дома.

Райт поднялся, прихватив бутылку с виски и бокал, сообщил:

— Пойду, осмотрюсь...

— Я мог бы помочь советом, на кого обратить внимание, — предложил Вико.

— Доверимся моей интуиции.

— Хорошо. Даже интересно, насколько сильно она у тебя

развита.

1.2

Кен Райт направился напрямик на освященную эстраду. Он шел неторопливо, вальяжной походкой, уверенно. Облокотился на рояль и пробежал неторопливым взглядом по фигуре разгоряченной танцем звезды.

— Что ты будешь делать через четверть часа? — поинтересовался он лениво.

— Сдохну, наверно, — сквозь зубы ответила Элиза, не переставая мельтешить руками и вибрировать телом.

— Да, проблемка на лицо, — согласился Кен. — Жмурик не воскреснет.

Он поставил бутылку на клавиши рояля, вынуждая пианиста прекратить игру. Аккорд изумленно вскрикнул и оборвался, вслед за ним замолкли и другие музыкальные инструменты.

— Позволишь, я угощу твоего дружка виски? — спросил Кен актрису в наступившей тишине, кивая на распростертую под ногами фигуру.

— Он пьёт только ром, — с придыханием откликнулась девушка. Возможно, она запыхалась от чрезмерно интенсивного танца, но атмосфера интимности воцарилась на освященном пяточке сцены.

— Ямайский... или с Кубы... — протяжно поинтересовался Райт, раздвигая в небрежной улыбке губы.

— Черный Vasardi (Бакарди)... — девушка не отрывала взгляда от лица Кена.

Он отлип от крышки рояля и качнулся ей навстречу:

— С лимоном... и крепким кофе?.. — его голос сомневался.

— О... да!

Казалась, парочка напрочь забыла о десятках устремленных на них глаз.

— Тогда я приглашаю вас к своему столику, — Кен опустился на колени и протянул актрисе руку, при этом он второй рукой крепко ухватил труп за щиколотку.

Элиза опустила свою руку не в ладонь кавалера, а на его плечо. Вставая, Кен естественным жестом скользнул ладонью по обнаженному бедру женщины. Они улыбнулись, глядя пристально друг другу в глаза, и двинулись за кулисы, оставляя за своими спинами большую тему для пересудов. То, что Кен тащил за собой так и не воскресшего покойника — задранную вверх ногу не возможно было не заметить! — уже никого не волновало.

За бархатной портьерой их ждали трое. Элиза выплеснула всю свою злость на статного с седыми висками мужчину:

— Ты нарочно подставил меня, Винс! — зашипела она злобно.

— Ты должна была накрыть собой объект, после чего на вас опустили бы полог. Ты этого не делала. Я подумал, что ты решила продлить выступление.

— Я не могла на него лечь! Он был мертвый — совсем мертвый! — похоже было, что с актрисой случилась истерика.

— А я надеялся, что у тебя получится воскресить его. Только для этого на него нужно было лечь, Элиза! — вмешался второй, тучный седой старикан.

— Я не могла на него лечь!! — взвизгнула Элиза.

Кен взглянул на третьего, стоящего спокойно и невозмутимо. Сильное тренированное тело, обтянутое модным костюмом, выдавало в нем бодигарда. А пристальный, холодный взгляд говорил о его способности не только потрясать мускулами.

— Можешь забрать от меня этого жмурика? — спросил его Райт.

Парень поморщился:

— Веришь, ненавижу их? — сказал он доверительно. — А тебе — респект! — если б ты не вмешался, мне самому пришлось бы переть его с подиума. Как раз соображал, как это поделикатнее оформить. Вот думал Элизу пристрелить! — Он специально повысил голос, чтобы разбушевавшаяся актриса его услышала. — И объявить, что смерть решила забрать обоих.

— Очень смешно! Очень смешно! — расслышав его слова, взъярилась девушка.

— А ты видишь, что я смеюсь, детка? — сменив тон, спросил бодигард на удивление тихо, но был услышан исключи-

тельно всеми. Сразу стало понятно, что конфликт исчерпан, а продолжение чревато... — Оставь тело, — ровно посоветовал он Райту. — О нем позаботятся.

— Пойду, вымою руки, — улыбнувшись открыто и просто, согласился Кен. — Я — Кен Райт.

— Приглашаем вас к нашему столику, — крикнула ему в спину Элиза.

Кена в туалетной комнате ожидал Вико.

— Так и думал, что тебе понадобится помыть руки. — Он с интересом поглядывал в лицо приятеля пока тот умывался. — А ты — красавчик! Склеил самую престижную телку побережья на глазах всего бомонда. Тебя точно запомнят. А кое-кто ни в жизнь не забудет.

— Просто помог девчонке выпутаться из дерьмовой ситуации, — отмахнулся Кен.

— А выглядело как будто вы прямиком направились в постель... пить Баккарди.

Райт засмеялся:

— Это она, молодец, сообразила, как всех отвлечь. Мне только подыграть оставалось. Надеюсь, не будешь об этом трепать. Если Хелли узнает, мне не поздоровится.

— Знаешь, наверное, хорошо, что наши дамы решили нас продинамить сегодня. При Хелли ты бы так козырно не выступил. — Он хлопнул приятеля по плечу. — Заканчивай с туалетом и присоединяйся ко мне.

Вико Бруни направился прямиком к столику брата. Вин-

сенте с Элизой Тилл, сидящей у него на коленях — уже по-
добревшей и хмельной — был в хорошем расположении ду-
ха.

Он улыбнулся брату:

— Не скрою, удивил. Твой Кен Райт — то, что нам сейчас
нужно. Говоришь, он примерный семьянин?

— Более чем, скоро станет отцом.

— Я назначу его управлять здешним отделением фирмы.
Знаю, что опыта в такого рода делах у него нет... Я мог бы
попросить тебя первое время помочь своему протезе... но
ты нужен мне в Городе. Сам понимаешь, что масштабы там
совсем другие, и ты мне необходим. Пожалуй..., — Винсен-
те оглянулся, взгляд его уперся в бодигарда, — оставлю при
нем Умберто.

Вико удивился.

— Ты оставишь своего лучшего человека здесь несмотря
на то, что в Городе будет масса спорных ситуаций, с которы-
ми умеет справляться только он?

Винсенте быстро ссадил актрису с коленей и подтолкнул
незлобно в спину — прогуляйся, детка. Элизу не нужно было
просить дважды, меру своего присутствия при важных раз-
говорах она научилась понимать довольно быстро, и никогда
не оспаривала её.

— Хочу его оставить... здесь, — четко разделяя слова,
прошептал старший Бруни.

— Он не оправдал твоего доверия?

— Напротив, он никогда не подводил меня. Все спорные вопросы по сделкам, без единого громкого инцидента — все в нашу пользу — его заслуга.

— В чем тогда проблема?

— Помнишь, старого Дугласа? Он добровольно отошел от дел несколько лет назад.

— Помню, это был самый безболезненный передел собственности в нашем городе.

— Его рук дело, — Винсенте кивнул в сторону бодигарда. — Я видел его работу собственными глазами. Так случилось, что в тот день я был в доме Дугласа...

— ...ты путался с его молодой женой, я знаю...

— Обычно мы встречались где-нибудь на стороне, а тут ... Дугласа не было в городе, по крайней мере, так все думали. Поэтому, когда я услышал голоса в его кабинете, проявил любопытство... Умберто Герра был там. Он сказал: «Я не буду пугать вас, мистер Дуглас. Слова ничего не значат». Он выстрелил ему в ногу: «Два дюйма вверх — и вы никогда не сможете пользоваться этой ногой. А сейчас вашу ногу еще можно спасти. Я даю вам возможность это сделать, вызывайте врача. А о моих предложениях мы поговорим с вами завтра». Дуглас орал от боли и сквернословил, вряд ли соображал, о чем идет речь. «Вижу, вы меня не поняли... Завтра я приду к вам, даже если вы выставите роту солдат для своей охраны. И если сделанные предложения все еще будут казаться вам не приемлемыми, мы закончим наш раз-

говор более радикальным образом».

Любой бы поверил этим словам, и до Дугласа тоже дошло — орать он перестал. А Умберто, проходя мимо портьеры, где я прятался, ткнул дулом мне в бок и сказал: «Пусть его жена вызовет врача». У меня ноги затряслись... А он ушел, как ни в чем ни бывало, а вся хваленая братва старого Дугласа, в количестве пяти человек валялась в вестибюле в полной отключке. На следующий день Дуглас отошел от дел «по здравому рассуждению и при полном одобрении своих родных».

И с тех пор, когда я смотрю в глаза Умберто Герры, мне кажется, что заглядываю в лицо самой смерти.

— Он знает, что это ты прятался за портьерой?

— Он никогда не давал мне повода так думать, а я не испытывал желания это выяснять.

— Винс, история эта стара и уже никому не интересна. Я не вижу никакой угрозы.

— Ты не понял. Умберто Герра — воплощение моего страха. Мой страх исправно работает на меня, но знает, что всегда он — ГЛАВНЫЙ! Я устал от этого. Я хочу быть ГЛАВНЫМ! Оставляю его здесь. Повод вполне подходящий — твоему другу действительно нужен наставник.

— Думаешь, Берт не поймет, что ты отправляешь его в отставку?

— А я подслащу пилюлю. Кен Райт станет сенатором через несколько лет. Перспектива долгосрочная, но весьма

привлекательная. И Умберто понадобится много работать, чтобы эта перспектива обрела реальные шансы на осуществление... Скажу ему об этом сегодня.

— Он согласится?

— Другой работы у меня для него нет. Взгляни, — Винсенте повернулся в сторону соседнего столика, за которым Элиза весело болтала с Умберто Герра и подошедшим к ним Кеном. — Троица неплохо выглядит.

— Элизу ты тоже бросаешь?

— Да. Жена вот-вот наградит меня наследником...

Больше о делах они не говорили. Вечеринка приобрела светский характер и протянулась до самого рассвета весело и беззаботно. А завершилась она все же не обычно. Винсенте Бруни в преддверии своего отъезда сказал прощальный тост, и все собрались расходится...

— Я должен поставить вас в известность, — сказал Умберто Герра, оставшись с братьями Бруни наедине. — Я не поеду с вами в Город.

— Кто это решил?! — вспыхнул Винсенте, как будто только что не собирався сам сказать об этом.

— Я сам, — бодигард твердо посмотрел в глаза Бруни-старшего.

Вико Бруни быстро заслонил гневного брата своей спиной и похлопал Герру по плечу:

— Ты же понимаешь, что это решение ставит нас в неловкое положение? Но вместе с тем, мы признаем твое право

распоряжаться своей жизнью...

— Что будем делать? — легкая улыбка скользнула по губам Берта.

— Может быть ты побудешь здесь еще некоторое время? Поможешь Кену Райту освоиться... А после сможешь уйти.

Взор Умберто на мгновение заморозился, а потом «оттаял».

— Хорошо. Это справедливое требование.

Глядя в удаляющуюся спину бодигарда, Вико Бруни удивился:

— Он знает тебя как свои пять пальцев, братец! Еще мгновение — и ты приказал бы ему ехать с тобой в Город.

— И все же он согласился здесь остаться... — буркнул сконфуженный Винсенте.

— Он уверен, что ты через некоторое время попросишь его помощи. Знаешь, что означает его имя, если переводить дословно? Умберто Герра — Правая Рука Войны.

— Я обойдусь без него!

— Твоя уверенность меня радует. Прощай, братец. Передай привет Аглае. Я отвезу домой Кена и присоединюсь к тебе уже в Городе.

— У твоего друга нет машины?

— Машина есть, в том и проблема. Когда выпьет, теряет чувство меры — путает руль автомобиля со штурвалом самолета. Я обещал его жене, что не позволю ему сесть за «баранку» даже после бокала шампанского. А Кен сегодня на-

легал ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО на ВИСКИ.

1.3

Рассвет золотил небо, когда они подъехали к кукольному домику.

— Кен, у тебя на пороге спит мужик, — Вико толкнул в бок задремавшего приятеля. — Это хорошо или плохо?

— Сейчас узнаем...

Кен нагнулся над спящим:

— Мистер Томпсон? С вами все в порядке?

Ответом ему послужило невнятное бормотание:

— Нет, не в порядке... нет, — он суетливо порывался встать, но ноги не слушались его, разъезжались, и он снова и снова плюхался на влажные от утренней росы ступени.

— Похоже, он пьян... — констатировал меланхолично Вико.

— Что делать пьяному соседу у меня на пороге? — удивился Райт. — Раньше за ним такое не водилось.

Томпсон оставил свои попытки подняться и сказал высоким голосом, как будто собирался взять верхнее «ля»:

— Выпил, не мог не выпить. Перед глазами так и стоит... Как тут не выпить?..

— Идемте, мистер Томпсон, — Кен протянул соседу руку. — Я провожу вас домой.

Горячие пальцы Томпсона вцепились в ладонь Райта бульдожьей хваткой.

— Дафна сломала ногу. Пришлось отвезти её в клинику. Она осталась там на ночь, но она не забыла о Хелли... нет, она не забыла. Это я забыл... Немного выпил, чтобы успокоится и заснул... ненадолго. И во сне помнил, что Дафна просила заглянуть к миссис Хелли...

Кен почувствовал нешуточное беспокойство и попытался отцепить от себя пьяницу, но тот, казалось, обрел геркулесову силу.

— ... я увидел, что свет все еще горит в доме, хотя уже было поздно...

Райт с силой толкнул Томпсона и устремился к входным дверям дома. — Лучше вам туда не входить... - тонкой свирелью догонял его голос соседа.

Вико подхватил валящегося на бок мужчину, резко встряхнул и сказал свирепо, четко разделяя слова:

— Говори быстро — что произошло?!

— Там все в крови. Коп велел, чтобы я дождался мистера Райта. Она должно быть упала... Её увезли в больницу. Там крови, как на скотобойне... Лучше ему туда не входить.

Никогда больше в своей жизни Вико Бруни так быстро не бегал. Он уцепил за плечо Кена в тот момент, когда тот сражался с дверным замком.

— Хелли отвезли в больницу Св. Никона, нужно туда ехать.

А проходя мимо Томпсона, не глядя, вытащил банкноты из бумажника:

— Найдите кого-нибудь, чтобы к возвращению мистера Райта дом был чисто убран... И не вздумайте меня обмануть.

За руль сел Райт. Вико и не пытался возражать, он даже сумел не испытать страха во время этой отчаянной гонки по улицам все еще дремлющего в предутренней неге города. Они не разговаривали. Один не мог найти слов поддержки, другой просто забыл на время все существующие в мире слова.

В больнице Кен сумел вытолкнуть из сведенного судорогой горла хриплое:

— Я — Райт.

Их сразу проводили в хирургическое отделение. Врач в синем комбинезоне, похожий больше на сантехника, чем на хирурга, торопливо сунул Кену под нос печатный документ:

— Вы должны подписать, мистер Райт. Это согласие на оперативное вмешательство в тело вашей жены.

— Хочу, чтобы вы понимали, доктор, — Кен оттолкнул его руку с бумагами. — Вы должны прежде всего спасти жизнь моей жены. Жизнь ребенка вторична — если встанет выбор — кому жить? — мое решение я вам обозначил.

Врач отступил в сторону, пряча документы за спину:

— Вижу, вы сильно нервничаете... Что ж, бумаги могут и подождать. Присядьте, ожидание будет долгим.

Кен опустился на диван, а Вико, немного поразмыслив, отправился вслед за удалившимся врачом.

Дверь, за которой скрылся эскулап вела в малую операци-

онную, как утверждала строгая надпись на её створках. Бруни осторожно приоткрыл одну из них и прислушался. Разговаривали двое. Судя по голосу, одним из говоривших был врач в синем комбинезоне.

— Я тебя предупреждал, ты не захотел слушать...

— Я принял единственно верное решение, — вяло откликнулся второй голос.

— Последствия которого тебе придется расхлебывать уже сегодня, а возможно, и всю оставшуюся жизнь. Бумагу он не подписал, так что защититься тебе нечем.

— Ты попытался мне помочь, спасибо.

Вико решительно дернул дверь на себя — странная беседа врачей подтвердила его подозрения.

— Меня насторожила ваша формулировка — «оперативное вмешательство в тело». — Сказал он прямо оторопевшим от неожиданности собеседникам.

— В этом разговоре я участвовать не намерен, — оповестил врач в синей униформе и поспешно удалился.

Второй — усталый, помятый, грустный — вздохнул коротко, громко и потянул створку окна, к стеклу которого прижимался виском, открывая настежь.

— Решили тоже сбежать? Так ведь высокогато — разобьетесь, — обманчиво мирно протянул Бруни.

— Просто хочу закурить. Я — Эмерсон. Вы — мистер Райт?

— Будь я мистером Райтом, уже свернул бы вам шею...

Эмерсон достал сигарету из-за уха и в замешательстве уставился на свои руки:

— Вы не курите?.. Жаль... Прикурить нечем, — незажженная сигарета полетела в открытое окно. — Спасти женщину не было ни одного шанса. — сбросив апатию, сказал он жестко. — Кровопотеря была очень значительная. Если бы её привезли раньше...но её не привезли раньше! Она практически уже была мертва, когда попала ко мне на стол. У меня был выбор: попытаться спасти ребенка, которого еще можно было спасти... или дождаться письменного разрешения родственников на «оперативное вмешательство в тело». Упрекнуть себя мне не в чем. Счет шел на минуты, а мистер Райт объявился слишком поздно. Может быть, ему есть в чем себя упрекнуть?

Бруни отрицательно покачал головой:

— Только в катастрофическом стечении обстоятельств... Что произошло с Хелли? Преждевременные роды?

— Я не патологоанатом, и не судмедэксперт — вижу только конечный результат свершившегося. Могу сказать только, что все тело было покрыто осколками и разным джемом. Точнее вам расскажет полиция.

— Звучит дико — умереть от порезов, в наше-то время!

— От многочисленных порезов и перелома теменной кости, если быть фактографически точным.

— Вы не успокоили меня, Эмерсон. Скорее, наоборот. Что вы скажите Райту?

— Скажу, что его дочь жива и здорова — ей уже два часа от роду.

— Это не примирит его с потерей. Он только что отказался от её жизни в пользу жизни жены.

Эмерсон помолчал некоторое время, вновь превращаясь в усталого человека.

— Значит, у меня большие проблемы, уголовно наказуемые... Мистер Райт, как минимум, сможет предъявить мне обвинение в превышении полномочий... Мой коллега был прав — нужно было дать умереть им обоим.

— Он не будет подавать иск, я вам обещаю... Только вы, Эмерсон, будете мне должны...

Страшный крик, донесшийся из коридора, прервал их разговор. Оба бросились на шум. Их взору предстали испуганные медсестра и доктор в синей униформе. Кричал Кен и молотил кулаками по пластиковой перегородке, оставляя вмятины на её поверхности.

— Сейчас переполошатся все больные... — Эмерсон сделал движение в сторону Райта, но был остановлен крепкой рукой Вико.

— Как я понял, ваш коллега решил сам оповестить несчастного... Не подходите к нему, это опасно. Вот моя визитка, пришлите счет на мое имя, и не беспокойте этим мистера Райта. Я сейчас увезу его, только ваш долг, Эмерсон, возрастет в два раза.

Бруни бесстрашно обхватил торс друга, притиснул к сво-

ей груди и сказал властно:

— Пойдем отсюда.

Кен сделал отчаянную попытку освободиться от крепких рук приятеля, побагровел щеками, напрягая мышцы всего тела, но худощавый, сухой и невысокий Вико Бруни обладал скрытой для внешнего взора силой, с которой нелегко было бы справиться даже профессиональному борцу.

— Пойдем, — повторил Вико уже намного мягче, — Мы будем вспоминать о Хелли...

— Ты сказал ему о ребенке? — глядя на удаляющуюся пару, спросил Эмерсон коллегу-доктора.

— Не успел, он сразу начал кричать, и вовсе перестал соображать...

— Нужно сказать... в течение трех дней...

— Хочешь еще пообщаться с этим психом? Я — нет!

— А что делать? Мы не можем держать новорожденную в хирургическом отделении. У нас нет условий... Даже если бы и были! — мы не можем держать её вечно!

— Знаешь, — коллега выдернул из руки Эмерсона визитку, — выстави счет на кругленькую сумму, на очень кругленькую! А когда прибежит выяснять что-к чему, обозначь проблему. В конце концов, отдавать малышку на попечение такого неуравновешенного типа — ход негуманный и противоречит врачебной этике.

— Хорошо, я подумаю...

ИЗНАЧАЛЬНО. Эпизод 2.

2.1

Почти два года спустя...

Город Св. Мартина встретил Вико Бруни предутренним туманом, подсвеченным розовым сиянием небосклона, готового впустить первый солнечный луч на крыши дремлющего в последнем усилии безмятежности пристанища людей. Само по себе это явление было редкостью в черте города и в другое время могло вызвать восторг Вико, не разучившегося понимать и принимать красоту окружающего мира за повседневной суетностью будней. Но именно сейчас он был далек от созерцания пригородных очертаний города своего детства. Он смотрел сквозь окно автомобиля и видел только неровную кромку дороги и мелькание теней. Ему казалось, что мелькание это — чересчур неторопливо. Глухое раздражение, зародившееся не сегодня, а гораздо раньше — так давно, что утратило свои изначальные границы, копилось внутри, готовое проявить себя самым неожиданным образом.

— Можешь ехать быстрее? — бросил он водителю сквозь зубы.

— Да, босс, — откликнулся тот, но мелькание теней за

окном не ускорило свое движение.

Вико заставил себя закрыть глаза, действия водителя были разумными, но принять это стоило больших усилий, что закрутило внутренний стержень на еще один виток спирали.

— Мое заветное желание — увидеть Берта Герру в одном исподнем спящего в кровати не осуществится и сегодня, даже если ты поедешь в два раза быстрее, — сказал он почти безразлично. — И знаешь, почему? Он умеет вовремя просыпаться. Еще ни одному визитеру не удалось застать Умберто врасплох. А сегодня он будет особенно гостеприимен, еще и потому, что я предупредил о своем визите.

Подъехав ко входу неброской гостиницы со странным названием «Мой день», они увидели четкую фигуру, подсвеченную со спины уличным фонарем. Мужчина был одет как на прием к английской королеве — белоснежная сорочка и безукоризненный костюм стального цвета, серый плащ небрежно перекинут через согнутую в локте руку.

— Одевайся проще, — распахнув дверцу автомобиля, кивком приглашая сесть внутрь, вместо приветствия сказал Вико, — Твой официоз не делает из тебя финансового магната, скорее превращает в вышибалу фешенебельного клуба.

Ни один мускул не дрогнул на лице Правой Руки Войны, что добавило ярости его собеседнику.

— Ты меня не услышал? — металл в голосе Вико начал звенеть.

— Вы ждете от меня ответа, мистер Бруни? Я полагал, это

было приветствие... Но, если нужен ответ... Мне безразлично, что вы думаете по поводу моей одежды. И я приветствую вас в нашем городе.

— Неплохое у нас с тобой начало, — усмехнулся Вико. — Дальше будет еще хуже.

— Я знаю, что вы — смелый человек. Готов вас выслушать, мистер Бруни.

— Ты не оправдал наших ожиданий. Ты — попросту облажался!

— В чем? Дела фирмы не стали хуже, финансовая отчетность в полном порядке — хоть прокурорскую проверку назначай, не одного спорного документа не обнаружится. Все люди, ответственные за эти мероприятия работают на совесть.

— Уверен, у тебя не забалуешь.

— В чем же суть ваших претензий, мистер Бруни?

— Кен Райт — суть наших претензий, — голос Вико стал скрипуч и неприятен. — Парня после смерти жены понесло, он не может остановиться. Он пьян 24 часа в сутки!

— Я не несу ответственность за образ жизни мистера Райта. — Умберто смело взглянул в лицо своего оппонента. — Ведь мистер Райт — ваш друг, а я с ним практически незнаком.

— Кену Райту в будущем предстоит стать сенатором. Мы сделали на это ставку, и ты не можешь этого не знать.

— Я не могу решить его проблему, даже если вдруг —

неизвестно почему! — приму ее близко к своему сердцу. Он должен справиться с этим сам, как настоящий мужчина.

Справедливость этих слов была очевидна, но Вико Бруни не хотел признавать справедливости, когда она шла в разрез с его планами. А планы были просты до примитивности — Умберто Герра нужен ему в Городе! А для этого нужно оставить в Сан-Мартинесе надежного человека — Кена Райта, обновленного к дальнейшей жизни. Причем, обновление это должно быть быстрым и эффективным. И только Берт способен совершить это обновление в кратчайшие сроки — в этом Вико не сомневался.

— Останови машину, — резко приказал Бруни шоферу. — И погуляй!

Умберто взглянул в окошко автомобиля — они были уже за чертой города — и солнце, избавившись от неожиданно заглянувшего в гости тумана, било яростным светом в загрубевшую зелень придорожных акаций. Герра вздохнул, день будет солнечным, но холодным...

— Райту нужно просто помочь! — Вико был напорист. — Кому, как не тебе сделать это? Ты тоже лишился любимой женщины.

Последняя фраза повисла в воздухе осязаемо, будто тишина стала плотнее в сто раз. Наконец Герра ответил:

— Тот, кто посоветовал вам сказать это, не был вашим другом...

— С чего ты решил, что я нуждаюсь в советчиках? — пе-

ребил его гневно Вико.

— Скорее, он — ваш недруг, — спокойно продолжил Умберто, будто не заметил восклицания. — Подумайте об этом на досуге, мистер Бруни. Я уверен, вас неправильно информировали, поэтому оставляю вам возможность иметь этот досуг.

— Ты сейчас мне угрожаешь? — удивление Вико было неподдельным. — Ты так уверен в себе, что угрожаешь Вико Бруни? Неужели ты ничего не боишься?!

— Я перестал бояться в тот самый момент, когда «лишился любимой женщины», как вы изволили выразиться. И если Господь терпит меня на этой земле, то исключительно имея на это какие-то свои соображения, неведомые моему разуму. Когда ЕМУ надоест, ОН заберет меня. Разве Его решения зависят от нас с вами?

— Философствующий наемник — не такая уж и редкость сегодня. Ты — не оригинален.

— Впервые за долгое время я был честен в своих словах — и не преуспел... Воистину, хочешь быть понятым, скажи то, что от тебя хотят слышать. — Умберто усмехнулся. — Что мне угрожает сейчас, мистер Бруни? Ваш водитель, который в настоящий момент сквозь карман куртки целится мне в затылок? Я сниму его первым выстрелом, не повернув головы, прежде чем он получит ваш сигнал к действию. На вас, не в обиду будет вам сказано, я даже не стану тратить пули... — Берт тяжело вздохнул. — Это так скучно...

Вико почувствовал облегчение — разговор пошел в нужную сторону, но не торопился проявлять свою радость. Он старался, чтобы его голос был ровным, а интонации деловитыми.

— Сан-Мартинес ты перерос, а новые цели слишком мизерны, чтобы пробудить в тебе интерес к жизни. В самом деле, возиться с алкоголиком Райтом — не велика радость. Можешь поехать со мной в Город. Там сейчас весело и горячо... И уж точно — не скучно!

— Ваш брат... — слова Герры содержали невысказанный вопрос.

— Не имеет к моему предложению никакого отношения. Наш с братом совместный бизнес созрел для отдельного существования — каждый идет своим путем. Можешь стать моим спутником.

— Я не против.

Вико махнул рукой водителю — едем! И мелькание тонких стволов придорожных акаций вновь приобрело свою неотвратимую неторопливость. Они подъехали к приюту св. Никона, расположенному среди холмов и садовых деревьев. Сан-Мартинес угадывался за этой шаткой природной ширмой стойким гулом — дыхание города было неровным и хриплым, а порой и угрожающим.

— Странное место, — буркнул Умберто неопределенно.

— Хочешь сказать, странное место для моего визита? — уточнил почти весело Бруни — настроение у него улучши-

лось. — Не поверишь, и дело, которое меня сюда привело, тоже весьма странное. Попечительский совет в лице матушки Адели забросал меня письмами с настоятельным предложением пополнить расчетный счет, который, по моему убеждению, я и не имел счастья здесь когда-либо открывать.

2.2

Матушка Адель, оказавшаяся молодой женщиной в строгом офисном костюме, спешила им на встречу так, что каблучки ее невысоких туфель выбивали звонкую рысь, а короткие волосы разлетались, будто от ветра. Она сияла лицом и, не дав сказать и слова, уцепила Умберто за рукав пиджака —наверное, потому что его рукав оказался ближе всего — потащила в сторону комнаты с распахнутой дверью.

— Я так рада, что вы приняли верное решение, — защебетала она неестественно высоким голосом, обращаясь к Вико, из чего стало понятно, что женщина вполне отдает себе отчет в том, кто есть кто. — Поверьте, у вашей подопечной было все самое лучшее...

— Глазам не верю, — буркнул Вико, пытаясь прервать неудержимый поток слов. — Вам по чину ходить в таком виде, матушка?

Берт легким почти неуловимым движением выскользнул из пиджака, оставляя его в руке восторженной матушки, через секунду он был в комнате, оставляя разговор позади себя. Его взору открылась просторная зала с большими окнами, сквозь которые било солнце, наполняя помещение ликующим светом. Ряд из тяжёлых дубовых столов, придвинутых к стенам, казался не более, чем сооружением из картона — дунь и весь рассыпется в прах. Девочка, совсем крошеч-

ная среди этого торжества зарождения дня, рисовала красками на куске неровно оторванных обоев. Неслышная поступь Правой Руки Войны не нарушила её занятия, она лишь скосила глаза в сторону незнакомца. Умберто замер, забыв дышать. А потом понял, что Господь решил наполнить его существование смыслом, более глубоким, чем ипостась философствующего наемника. Он вернулся в коридор, где все еще восторженно чирикала матушка Адель, а Вико безуспешно пытался вставить хоть слово в её монолог. Встав перед матушкой, Умберто, молча, замер. Герра мог очень красноречиво молчать... Восторженный дискант запнулся, опустился до шепота и прервался...

— Милая, скажи теперь правду, — предложил ровно Берт, тем самым тоном, который не оставляет сомнений, что услышанное будет правдой в чистом виде. — Он потянул пиджак из руки матушки, который та все еще нервно тискала, и неторопливо оделся.

Это простое действие вывело Адель из состояния ступора, она резко вздохнула и сказала, обыкновенным голосом, утратив эйфорию и писклявость:

— Детей в приюте очень много, персонала не хватает. Но я клянусь, что ваша подопечная никогда не голодала, у неё всегда была отдельная кровать и чистая одежда, её никогда не подвергали телесным наказаниям. Сестра Хлоя заметила, что девочка интересуется красками и позволила ей рисовать. Думаю, у девочки есть талант — в таком нежном возрасте

она уже имеет представление о сочетании цвета и тени.

— Рад это слышать, — саркастически хмыкнул Бруни. — Правда, еще больше я хотел бы услышать, какое отношение это имеет ко мне? И что означает словосочетание «ваша подопечная», которым вы козыряете уже в течение получаса.

— Мистер Бруни, вы заставляете меня нервничать! — вспылила матушка Адель. — Девочка поступила в приют с документами, оформленными по всем правилам. Ваше согласие оплачивать её содержание было подтверждено печатью вашей фирмы и чеком, подписанным вами. Деньги закончились, и вы должны либо продолжить финансирование, либо отказаться. В случае вашего отказа девочка попадает под опеку государства, и соответственно будет переведена в одно из пансионных попечительных заведений. Именно эту проблему я пыталась разрешить с вами в течение трех месяцев, но не преуспела в этом.

— ... и посчитали возможным привлечь сенатора Маккензи, — напомнил ей Вико весьма неприятным тоном.

«Бруни, — сказал сенатор по телефону, — если твой проект СПА-салонов для тебя по-прежнему важен, реши проблему с матушкой Аделью до пятницы...».

— ДА! — голос матушки Адели вновь взвинтился до дисканта. — Сенатор — мой брат! К тому же — равнодушный человек. Судьба девочки ему не безразлична.

«Ада, — сказал сенатор, — твои сиротки мне не интересны. Но Вико Бруни не обеднеет, если позаботится об одной

из них, поэтому я позвоню».

— Успокойтесь, — поморщился Вико. — Волнение превращает вас в циркулярную пилу. Я готов к диалогу. Согласитесь, с учетом того, что узнал о существовании ваших писем только вчера утром, я весьма оперативно прибыл на переговоры. Время мое стоит дорого, поэтому я даже не стану выяснять, что за девицу вы пытаетесь пристегнуть ко мне благотворительностью...

— Позвольте, вы намекаете, что я — мошенница?

— Ну что вы, — лицемерно вздохнул Вико, — Выгоды вам в том — никакой... А мне, возможно, на небесах это зачтется...

— Ну, нет! — матушка Адель решительно вздернула свой курносый носик кверху. — Пройдемте ко мне в кабинет. Я докажу, что документ с вашими обязательствами существует.

Через пять минут Вико рассматривал бумаги, составленные в больнице св. Никона за подписью доктора Эмерсона и любовался на подписанный своею рукой чек, на котором в графе назначение платежа, по-видимому, все той же рукой Эмерсона было четко прописано, что получателем является приют св. Никона.

— Своими бумажками вы породили во мне еще больше вопросов, а вовсе не успокоили...

— Я принес вам вещественный аргумент, в пользу решения наших проблем, мистер Бруни, — Умберто Герра, про

которого в пылу полемики совершенно позабыли, материализовался в дверях кабинета неслышно, и пройдя внутрь, поставил на стол ребенка, завернутого в свой плащ. — Это поможет привести Кена Райта в достойный вид гражданина своей страны.

Перемазанная краской мордочка ребенка с любопытством блестела глазами, озирая пространство с неожиданного ракурса своего пьедестала.

— Зачем вы спеленали её? — возмутилась Адель.

— Маленькая нахалка пыталась разрисовать мои брюки цветочками, — проворчал Герра на удивление мягким голосом.

Вико молча изучал девочку, потом, придя к решению, протянул документы Умберто:

— Судя по этим бумагам, мы только восстановим справедливость.

Быстро пробежав глазами по строчкам, Герра аккуратно сложил их:

— Рад, что не приходится врать, — свои слова он сопровождал уверенными движениями пальцев, которые превращали документы в длинные тонкие бумажные полосы. — У тебя ведь нет копий, милая? — спросил он обомлевшую матушку.

— Что, что... что вы делаете?

Тот же вопрос был написан и на лице Вико Бруни.

— Защищаю будущее нашей малышки. Не было никако-

го приюта св. Никона. Вы, мистер Бруни, как крестный отец забрали девочку с собой в Город, давая возможность ее отцу привыкнуть к потере супруги. Теперь вы возвращаете дитя, удостоверившись, что отец готов выполнять свой родительский долг. Кстати, девочку крестили?

— Да, в день поступления. Еще пятеро девочек поступили в тот день. Отец Ривз дал всем имя Кристиана... — растеряно пролепетала Адель.

— Проблемой меньше, вряд ли он вспомнит одну из целой оравы пищащих младенцев, — бесстрастно пояснил Умберто, собирая горку порванной бумаги на углу стола и поднося к ней горящую спичку.

— Кто? Кто этот человек? — испуганно прошептала матушка, наклоняясь к Бруни. — Что он собирается сделать?

— Я организую здесь небольшой пожар. Не беспокойтесь, я буду очень аккуратен. Пострадает только кабинет, находящиеся здесь бумаги сгорят дотла. Мистер Бруни, отнесите девочку в машину.

Вико подхватил ребенка на руки и быстро направился к выходу.

— Не мешайте ему работать, — бросил он на ходу испуганной женщине.

— Милая, мы можем всего этого избежать. — Умберто был сама добросердечность. — Просто отдай мне копии этих документов. И не говори, что их не существует — врать грешно.

Огонь уже охватил весь стол. Адель метнулась к сейфу и выхватила тонкую папку:

— Это всё. Могу я вызвать пожарных?

— Не торопись, милая. Позволь мне удостовериться... — он неторопливо просмотрел бумаги и спрятал их за пазухой. — Вызывай пожарных, если они сумеют добраться за рекордные 8 минут, глобальных разрушений можно будет избежать.

Женщина метнулась к телефону и возбужденно закричала в трубку. Умберто, дождавшись завершения разговора, сдернул тяжелую портьеру с окна:

— Помоги мне, милая. Возьмись за другие уголки этой шторы. Давай сделаем это быстро. Ты же не дура, понимаешь, что я хочу сделать?

Адель поняла. Действуя слаженно и быстро, они накрыли пылающий стол тяжелой тканью. Пламя пыхнуло и притухло, но не совсем. По портьере тут и там заструились очаги дыма, угрожая вновь зазмеиться языками пламени.

— Никто не обещал, что все получится, — Берт смеялся. — Ты ведь не очень дорожишь этими кактусами на подоконнике, милая?

Адель метнулась к горшкам — очаги возгорания были засыпаны мокрой землей и поломанными стеблями колючих растений. Оба тяжело дышали, им пришлось весьма интенсивно попрыгать вокруг стола.

— Приедут пожарные, скажешь, справились своими си-

лами. Они все равно захотят составить протокол, не препятствуй этому. Прикинься испуганной и истеричной, подписывай не читая.

— Зачем?

Герра весело подмигнул:

— Мистер Бруни должен поверить, что все выгорело дотла. Это в твоих же интересах.

Матушка Адель понимающе прищурилась:

— Хотите оставить документы себе?

— Вот здесь ты должна была изобразить из себя дурочку... во имя своей безопасности, милая.

— Прекратите меня так называть! — закричала женщина сердито.

— Называть женщину, носящую французское кружевное бельё, — Умберто раздвинул пальцами края блузки, расстегнувшейся на груди женщины в процессе тушения пожара, — матушкой Аделью не поворачивается язык. — Его ладонь скользнула внутрь прорехи и завладела содержимым кружевной чашечки.

Адель судорожно вздохнула и выгнулась ему навстречу. Тот час же почувствовала окруженной себя его большим телом. Казалось, его руки и палящие зноем губы были везде — мяли, тискали, обжигали, заставляя дрожать и расплавляться от неудержимого желания.

— Жаль, что придется остановиться, — лениво прошептал он у самых её губ. — Пожарные уже прибыли. Мне

не нужно их внимание. Ухожу, но непременно найду тебя, милая. Да, — он вытащил визитку из нагрудного кармана. — Пришли по этому адресу сестру Хлою, мне нужна будет нянька для Кристианы, с оплатой не обижу.

— Сеть фармацевтических услуг и продаж... Умберто Герра... — прочла Адель непослушными губами.

— Для тебя — просто Берт, — ослепительная улыбка была ей подарком на прощание.

2.3

Машину с Вико и девочкой Умберто нашел в полукилометре от приюта, в зарослях дикой розы. Девочка тихонько плакала, забившись в углу сидения.

— Что-то ты слишком задержался, — озлобился Бруни.

— Клеил матушку Адель, — последовал ровный ответ. — Её веснушки на носу произвели на меня впечатление. К тому же так будет проще контролировать её поведение. А вы, я вижу, совершенно не умеете ладить с маленькими детьми...

Он забрался на заднее сидение, шумно, неловко, как медведь — пыхая и отдуваясь. Вико прежде в жизни не видел, чтобы неуловимый как тень, Герра мог производить так много шума, так привлекать к себе внимание. Девочка перестала хныкать и улыбнулась, а через мгновение уже прижималась щекой к груди Правой Руки Войны, переключившись к нему на колени.

— Мистер Бруни, ваш водитель умеет ездить быстро? — спросил через пять минут после начала движения Умберто.

— Не уверен. Несколько раз мне приходилось просить его об этом, но наглядного результата я не заметил. Хотя он утверждает, что был пилотом Формулы 3.

— Позвольте мне попросить?

Вико согласно махнул рукою, слабо веря в результативность затеи.

Герра чуть согнулся, приближаясь к уху шофера.

— Рольф, у меня на груди девочка в мокрых штанишках. Ей это не по нраву. Еще больше это не по нраву мне. Если ты не поторопишься, мы развесим их у тебя на затылке.

— Если я поеду быстрее, девочку может стошнить, — буркнул строптиво Рольф. — Ваш внешний вид может пострадать.

— У неё крепкий желудок. А мой внешний вид невозможно ухудшить еще больше. К тому же я не так и дорожу своим имиджем, как могло показаться.

— Уверен? — сбоку поинтересовался Бруни. — Вот этот плащик, стильные брючки, рубашечка — «прижмись к коже»... Для чего все это?

— Чтобы не потеряться в толпе, — Берт усмехнулся одними губами. — Если вы, конечно, понимаете, о чем я говорю... А ты, Рольф, не раскисай, — он ткнул водителя пальцем в шею. — Имей в виду, мы уже почти решили переодеться.

— Ладно, — Рольф разозлился. — Я вас предупредил.

В следующие пять минут автомобиль разогнался до рекордных 180 км/ч. Он почти взлетал на неровном покрытии дороги, взвизгивал колесами на поворотах, и игнорировал цветные сигналы попадавшихся светофоров — казалось, превратился в одушевленное существо, одержимое страстью неистового движения. Время, потраченное прежде на путь от гостиницы до приюта, сократилось втрое.

Вико едва удерживал в желудке содержимое раннего завтрака. И когда движение закончилось резким торможением и, как следствие резким поступательным движением вперед его тела, подавился подступившей к горлу горечью, закашлялся и, быстро распахнув дверцу, выплюнул субстанцию, состоящую из смеси луковых гренков, салями и черного кофе.

— Что это было? — спросил он удивленно самого себя. А потом адресовал тот же вопрос в глубь автомобильного салона, добавив свирепости в голосе. — Что это, черт побери?!

— Вам нужно сменить водителя, мистер Бруни, — откликнулся Герра. — Этот при 120 словил кайф и потерял голову. Он — алкоголик от скорости.

Восторг и упоение, цветущее на лице шофера, служило подтверждением справедливости сказанного. Он был в плену своего воображаемого величия и не реагировал на внешние раздражители в лице своих пассажиров.

— Рольф Гонзаги, по прозвищу «Держи-ветер», — продолжил говорить Берг. — Разбил три машины за один сезон, покалечил едва не дюжину зрителей, после чего получил полную отставку от спонсора Формулы 3 и запрещение в течение всей жизни садиться за руль автомобиля. Удивлен, что вижу его на водительском сидении вашей машины. Его характеристика была предоставлена мною вашему брату в полном объеме.

— То есть, ты знал, что он опасен и спровоцировал на безумный поступок?

— Нам нужно было попасть домой как можно скорее, — улыбнулся Умберто, склоняя голову к ребенку. — Остальное — мелочи!

— Я бую себе на колени, — несколько сгустил краски Вико. — А ты находишь это незначительным... Хотел бы я понять, что это значит, Умберто?

— Вы упрекнули меня в недостаточном внимании к делам Кена Райта. Я осознал справедливость ваших упреков. И теперь буду защищать интересы Райта, как свои собственные. Больше того, я всегда приму его сторону, в любой сложившейся ситуации.

— Даже если он не прав?.. Скажи на милость, за что ему такая удача?

— Женщина, которую я потерял, носила моего ребенка... Я потерял их обоих... жену и малышку... одним движением своего указательного пальца... Это мой шанс, мистер Бруни, восстановить справедливость и, может быть, получить прощение...

— Собрался заменить малявке отца? А как же Райт?

— Я просто буду приглядывать за Кристианой. А Кен Райт превратится в добропорядочного отца, я помогу ему в меру своих понятий и возможностей. Взгляните, она спит — не боится скоростей. Одно это вызывает уважение. Несправедливо, что о ней позабыл собственный отец... Хуже того! О ней вообще никто не вспомнил. Все думали, что похоронили ребенка вместе с матерью. А те, кто знал правду, решили

промолчать. Разве это не побуждает вас встать на её защиту?

Вико смутился:

— Я и не думал, что все пошло именно так. Я был уверен, что девочка живет вместе со своим отцом... Когда Труды сообщила мне, что счет от доктора Эмерсона чрезмерно раздут, я просто приказал ей заплатить, и не беспокоить Райта. Не думал, что доктор способен утаить ребенка. — Он замолчал, сбиваясь. — Я виноват, мне нужно было уделить Кену больше внимания. Но дела в Городе пошли не слишком гладко. У меня не было времени утешать его. Мне всегда не хватает времени! — Он усмехнулся. — Ирония в том, что я и тебя потащил в приют, чтобы сэкономить несколько часов. Думал, решу проблему и сразу махнем в Город — вместе с тобой. Ты решил иначе... Что ж, это твой выбор. Второй раз я тебя не попрошу.

— Я ценю ваше доверие, мистер Бруни, но решение мое окончательное. Я уверен, что с проблемами в Городе вы разберетесь и без моего вмешательства.

Вико усмехнулся:

— Ну теперь-то облажаться мне будет совсем неловко. Увидишь, Вико Бруни и сам кое-что может. — Он взглянул на сопящую малышку. — И раз уж я привез свою крестницу, озаботься, чтобы никто не подумал, что я привез её в одних мокрых штанишках. А я загляну к Кену — уверен, он вспомнит о нашем уговоре 2-х годичной давности.

Охранник на входе пропустил его без вопросов, с почти-тельностью и подобострастием на лице. Это было приятно — его здесь помнили и уважали. А офис фирмы встретил Вико непривычной тишиной и гулкостью пустых комнат. Настроение испортилось и к кабинету управляющего Бруни подошел уже на взводе.

Труди была на своем рабочем месте — все так же элегантно, немного высокомерна и ослепительно красива. Вико немного подзабыл, как она выглядит, и искренне ей полюбовался. Девушка, не ожидавшая его визита, порывисто поднялась с кресла и метнулась навстречу. Обоюдное объятие свершилось само собой, как будто время вернулось вспять — и они снова страстные любовники, считающие часы до свидания.

Вико прислушался к своим ощущениям — пожалуй, волнение в груди стало намного острее и слаще — не зря он все же приехал в Сан-Мартинес!

— Ну, — сказал он бурно дышащей девушке в ушко. — Сначала дело, развлечения потом. Райт где?

— В кабинете, — придушенно ответила Труди, вдыхая с упоением забытый аромат его кожи — удивительно, кожа Вико всегда пахла лимоном...

— А клерки где? — продолжил свои вопросы бывший босс.

— Перерыв на обед, все уходят в соседнее кафе. Мистер Райт не терпит, когда жуют на рабочем месте.

— Вот в этом мы с ним похожи. Сходи тоже пообедай, и особо не торопись.

Труди послушно отодвинулась и направилась к дверям. Эта безоговорочная способность подчиняться всякому его желанию заводила Вико больше всего.

— Когда все вернуться? — спросил Бруни, голос его выражал скрытое сомнение.

— Через 40 минут...

— Пожалуй, немного глупостей мы можем себе позволить... детка...

Через 10 минут Труди весело цокала каблучками в сторону кафе, а Вико вошел в кабинет, который прежде занимал сам.

Кен Райт сухой и темный, как осенний лист, вяло махнул в его сторону рукой с зажатым накрепко стаканом.

— А я-то думал, кто там окучивает малышку Труди? — брюзгливо пробурчал он. Виски расплескалось, попадая ему на сорочку, чего он даже не заметил.

Вико Бруни был спокоен, быстрый секс придал необходимой уверенности в том, что сейчас все пройдет в соответствии с его планом.

— Ну вот мы и приехали, — сказал обыкновенным голосом, как будто не видел перед собой совершенно пьяного человека. — Как я и обещал. День крещения малышки отмечаем, как её день рождения. Так что у тебя есть целых три дня, чтобы организовать для дочери праздник.

Райт тупо посмотрел в глаза друга.

— Вижу, плохо доходит, — констатировал Вико и с размаху ударил собеседника в челюсть. — Я привез к тебе твою дочь, как мы и договаривались два года назад.

Почувствовав на губах вкус крови, Кен Райт взревел как раненый буйвол и ринулся на Бруни. Вико встречал его беспощадными ударами, настолько расчетливыми и точными, что через пять минут боевой пыл нападающего закончился обильным извержением содержимого его желудка.

После этого взгляд Райта сделался более осмысленным. Он сидел среди рвоты, смешанной с кровью, сочившейся из разбитого носа, и чувствовал себя почти трезвым.

— Как ты это делаешь? — изумился с обидой в голосе.

Вико опустился на пол рядом с ним, в самый центр благоухающего дерьма, не выказывая отвращения и не боясь испачкаться.

— Всегда говорил тебе — изучай анатомию! — устало сказал он. — Правильно нанесенный удар в правильное место может творить чудеса.

Они некоторое время посидели молча, ощущая единение, как в давние времена. Потом Вико закурил сигарету и протянул другу. Передавая друг другу чинарик, они покурили. Вико продолжал молчать, считая, что уже сделал все необходимое для урегулирования своего дела.

— Утверждаешь, что два года назад я поручил тебе на попечение свою дочь? — наконец спросил Райт достаточно

спокойно, становясь похожим на прежнего ироничного Райта.

— Да.

— Она умерла вместе с Хелли.

— Нет. И ты это знаешь. Врач сказал тебе, — легко соврал Вико, еще и потому, что сам тогда и подумать не мог о другой возможности развития событий.

— И я отдал тебе на время свою дочь?

— Да.

— И напрочь забыл об этом? — в голосе Кена появилась нехорошая интонация.

Вико всмотрелся в лицо друга, в его лихорадочно заблестевшие глаза, казалось, тот балансирует на грани сохранения или потери рассудка.

Бруни глубоко вздохнул, стараясь подобрать правильные слова:

— Успокойся, конечно, нет. Ты ничего мне не поручал. Но ты всем скажешь, что я забрал малышку на некоторое время, давая тебе возможность прийти в себя. — Он говорил четко, не отрывая взгляда от напряженных зрачков друга. — Девочка на самом деле существует. Её поместили в приют св. Никона, я отыскал её. Но эти сведения не могут стать достоянием общественности, ради будущего блага твоего и твоей дочери. Для всех — я сегодня привез к тебе Кристиану, о чем мы и договаривались после похорон Хелли.

Райт отчаянно замотал головой, его снова вырвало, а по

лицу заструились целые ручейки пота.

Вико безжалостно поймал трясущуюся голову друга, стиснул в кулаке его подбородок, разворачивая к себе, и сказал жестко:

— Ты сам согласишься в эту историю, сейчас и навсегда. И никогда в жизни не посмеешь в ней усомниться, даже если тебя будут пытаться каленым железом. Мы с тобой задолжали этому ребенку столько, что отомстить не удастся до Страшного суда.

— Ты думаешь, я смогу?

— Конечно. Господь мудрее нас с тобой, он послал девочке ангела-хранителя. Вместе с ним ты справишься. К тому же я буду часто навещать вас.

НАЧАЛО (продолжение). Глава 9

Джордж вновь встретился с Итенем неделю спустя после злополучной вечеринки. Услышал, как он приехал — на удивление, только мотор машины брата мог издавать такие бархатистые и одновременно весьма громкие звуки — будто сытый громадный кот в минуты полного довольства жизнью.

Браун-младший вышел на балкон и взглянул в сад. За разлапистыми акациями, испускающими удушливый аромат цветения, за белоснежными гроздьями их цветочных бутонов проглядывала бирюзовая гладь домашнего бассейна.

Джордж улыбнулся, сейчас Итен ласточкой бросится с девятиметровой вышки в надежде не исторгнуть фонтан брызг при входе в воду, и безмятежность мерцающей воды будет нарушена.

Все чаще Джорджо думал, что любит внезапные приезды брата именно за спонтанность, за способность прерывать монотонность будней. Было в Итене бунтарство, легкость совершенно не свойственные ему, Джорджу. Порой это раздражало, порой приводило в восхищение, но всегда увлекало и подвигало на поступки, которые не решился бы совершить в отсутствии брата. А сегодня Итен ему был просто необходим! Для того, чтобы решиться на поступок!

Джордж быстро направился в бассейн. Он просто поговорит с братом, заразится его оптимизмом, и наконец придет к

какому-то решению. Вопрос с Тианой Райдер нужно закрыть раз и навсегда...

Итен уже растянулся в шезлонге, подставив свое загорелое тело солнечным лучам, на его коже блестели капельки воды. Он прихлебывал апельсиновый сок из высокого бокала, и Джорджу показалось, что воздух вокруг брата вибрирует от энергии его мощного красивого тела. Торопливо вступив в этот волшебный круг, Браун-младший сказал просто:

— Рад твоему приезду. Как провел время?

— Бездарно! — весело откликнулся Итен. — Едва не разбил машину, проиграл в покер Стиву Билдингу, поссорился с подружкой...

— Неужели эта лохматая особа способна оказать тебе сопротивление? — не поверил Джорджо брату.

— Она укусила меня за локоть! При том я пытался вытащить занозу из подушечки ее пальца... Никогда не думал, что мы так плохо понимаем друг друга. В моих движениях не было агрессии. Однако она меня укусила.

— Не удивлен, в следующий раз она пристрелит тебя.

— Джослин, не умеет обращаться с оружием, — поправил брата Итен. — Ведь я говорю о Джослин — горилле из питомника тетушки Урсулы. А ты о чем подумал?

Джордж весело засмеялся:

— Что Сабина в порыве неконтролируемых эмоций откусила часть твоей плоти.

— Кто такая Сабина?

— Девушка, с которой ты познакомил меня в баре «Просто Пью».

— Никогда не запоминаю их имен... — сокрушенно откликнулся Итен и кивнул на соседний шезлонг, приглашая присоединиться. Он говорил неправду — просто не желал в очередной раз приступить к обсуждению своей личной жизни. Маска пресыщенного прожигателя жизни нарисовалась на его лице весьма красноречиво. — И мы не будем сегодня это обсуждать, — добавил он серьезно, вопреки своей беспечной гримасе.

Опустившись в шезлонг, Браун тоже налил себе сока из запотевшего холодом кувшина — кубики льда позвякивали о прозрачные стенки сосуда, предлагая решить задачу: каково соотношение льда и сока в напитке?

«В кувшине — только сок! — сердито подумал Джордж. — Повар охлаждает напиток замороженными кубиками сока, потому что отец не признает компромиссов... как, впрочем, и ты сам».

— Ты тратишь свою жизнь впустую, — упрямо сказал Джордж. — И это меня тревожит.

— Просто ты не понимаешь меня, Джорджо... — Итен вздохнул. — Перед смертью Вико позвал меня к себе в спальню — он уже не вставал. Умирал и понимал это. Я очень удивился — даже сиделки при нем не было. Сказал — «Хочу умереть в тишине, чтобы никто не мешал. Вдруг перед лицом смерти я струшу? И поведу себя недостойно?»

Пусть тогда это происшествие останется между мной и Все-вышним». Представляешь, даже в последние мгновения он жил по своим правилам! А еще он сказал мне: «Я прожил свою, как оказалось, короткую жизнь возможно и неправильно, но мне она всегда нравилась. Мне всегда нравилось жить этой своей жизнью! И вот тебе мой отцовский наказ — сделай так, чтобы твоя жизнь тебе тоже понравилась».

Итен замолчал, дословно вспоминая последний разговор с отцом...

— Мой мальчик... Ты ведь позволишь называть себя так? — я привык так называть тебя, а менять привычки сейчас уже поздно... Я никогда не спрашивал тебя, что ты делаешь после того, как вешаешь свой костюм от Brooks Brothers в шкаф и надеваешь одежду городских улиц... Я всегда уважал твое право на личную свободу. Но сейчас пришло время сказать: будь честным с собой, сделай выбор. Сделай так, чтобы твоя жизнь тебе понравилась. Я оставил тебе все свои активы. Они свободны от любых финансовых и моральных обязательств, ты можешь делать с ними всё, что угодно. Просто — начни жить, мой мальчик.

И разве он не старался выполнить наказ отца? Он с головой ушел в бизнес, возомнив, что не честно было бы просто тратить полученное наследство. Преуспел в своих начинаниях и понял, что испытывает смертельную скуку. Занялся экстримом — опасные вылазки, бешенная скорость — всего

лишь пощекотали нервы, не заполнив внутреннюю пустоту. Чем бы он не занимался, результатом была только холодная констатация фактов: «Да, ты это можешь. Что дальше?»

На ранчо к старому Санчесу он попал совершенно опустошенным, испробовав все известные ему способы времяпровождения. И сдался... почти сдался...

Итен тряхнул головой, отгоняя воспоминания. Он бодро улыбнулся — не грузить же брата ворохом своих психологических проблем?

— Я пытаюсь обрести вкус к жизни. А ты все время осуждаешь меня за это. Несправедливо, брат. Впрочем, оставим мою персону. Расскажи, что у вас нового? Слышал, Винсенте решил круто изменить свою жизнь...

— Да, — Джордж ответил неохотно. — Отец собрался жениться на совершенно молоденькой девушке.

Заметив помрачневшее лицо брата, Итен спросил:

— Тебя это беспокоит?

— Ты даже не представляешь, до какой степени меня это беспокоит, — мрачно ответил Браун-младший.

— Из коротких штанишек ты уже вырос — соперничество за родительскую любовь я отметаю сразу. Финансовая сторона жизни для тебя никогда не была определяющей... К тому же, ты — прямой наследник, а Винсенте свято чтит законы своего рода. Могут возникнуть варианты, если молодая жена родит ему еще одного сына... — начал рассуждать

вслух Итен.

Джордж испытал облегчение, способность брата обнажить сущность проблемы, каким-то невероятным образом обесценивала её значимость. Браун поверил, что все будет хорошо, и откликнулся просто, как будто уже нашел выход из ситуации, столь беспокоившей его:

— Страшно не то, что я осуждаю отца. Страшно то, что я готов подтвердить своё осуждение конкретными действиями.

— Намерен воспрепятствовать?

— Да. Ты считаешь, это невозможным?

— Нет ничего невозможного в этом мире, вопрос лишь в цене, которую ты готов за это заплатить, брат.

— Все, что угодно! Даже продать свою душу...

Итен быстро поднялся, накинул на плечи халат из легкого шелка и посмотрел сверху на брата довольно хмуро.

— Предлагаешь мне принять твою сторону? Причин к тому не вижу. Винсенте имеет право устроить свою личную жизнь по своему усмотрению.

— Итен, — голос Джорджа дрогнул. — Его невеста — та самая девушка из бара, в которую я почти влюбился...

— Почти? Слабый аргумент для того, чтобы оправдать свои действия. — Итен был неумолим. — А мнением девушки ты интересовался? Что она думает?

— Мне все равно! — твердо ответил Браун-младший. — Она — моя! И никто в мире не посмеет это оспорить.

— Утверждение на грани безумия, тебе ли этого не понимать, мозгоправ ты хренов, — проворчал Итен, опускаясь на лежак рядом с братом, и обнимая его за плечи. — Но я рад! Слышу глас не мальчика, но мужа. Любовь тебя поработила, захватила и лишила здравого рассудка. Что может быть прекрасней? Готов содействовать, с одним условием... Если пойму, что девушка влюблена в твоего отца по-настоящему, помогать не буду.

— Нет там никакой любви. Винсенте забрал её в качестве оплаты старого долга, об этом шепчутся все слуги в доме.

— Если это действительно так — в чем я не уверен! — то девчонке повезло. Он захотел узаконить отношения... Наверное, в ней действительно есть что-то особенное, брат.

— Для меня это очевидно.

— Что ж, познакомь меня с ней.

— Прямо сейчас! — воодушевился Джордж. — Я обещал отвезти её в Галерею Вилсона Тода, там выставка — что-то об архитектуре средневековья. — Он ухватил брата за локоть и потащил к выходу из бассейна.

Итен хотел возразить, что несколько экстравагантно производить первое знакомство в полуобнаженном виде, но промолчал, подумав мимоходом, что в определенных обстоятельствах все правила поведения достаточно условны. А сейчас обстоятельства были сродни вселенской катастрофе — любовь! Что может быть важнее? И все же у «синей» комнаты, когда Джорджо замешкался, не решаясь войти, он под-

толкнул брата в спину и, постучав за него костяшками пальцев в заветную дверь, шепнул:

— Я переоденусь и жду вас у машины.

Глава 10

Тиана смотрела на себя в зеркало с большим неодобрением, серый цвет ей не подходил. Она добавила бы сюда фиолетового — в полосочку! Да! Чередование серых и фиолетовых полос вполне смирило бы её и со скучным классическим покроем пиджака, и с юбкой «годе», прикрывающей щиколотки... Девушка вздохнула — пора учиться выглядеть респектабельно — уже почти супруга важного пожилого человека. Не этого ли ты хотела? Раздражение вспыхнуло в ней внезапно и ярко:

— Здесь 30 сантиметров лишние! — вскрикнула пылко, задирая вверх края юбки до нужной длины. — Безупречную форму ног дополним алыми колготками, а на туфли-лодочки прилепим белые бантики, — нещадно сюсюкая и растягивая слова продолжила она, изображая своего имиджмейкера Филиппа.

Как ей этого не хватает! Не думала, что начинать жизнь с нуля, такая болезненная штука... Осознав это, Тиана успокоилась, опустила злосчастную юбку и задумалась. Вчера она проторчала целый день в исторической библиотеке — увы! — бесплодно. Только перед самым закрытием старый архивариус, увидя её расстроенное лицо, посоветовал заглянуть в серверную и спросить Майка, который «за определенную плату даже черта из преисподней достанет».

Майк не подвел — упоминание об Алксисе Свирепом встречается в хрониках 12 века. Запрос на документ компьютерный гений оформил и, возможно, завтра она что-нибудь узнает... Тиана вновь подтянула юбку по самое «не балуйся» — точно, красные чулочки здесь будут в тему! — и шутовски поклонилась своему отражению:

— Детка, хочешь сойти с ума по красивому сценарию?

Стук в дверь застал врасплох, девушка суетливо принялась поправлять одежду.

— ОН ЗДЕСЬ УЖЕ, ОТКРОЙ БЫСТРЕЕ ДВЕРИ! — пронёсся неумолимый приказ в голове. И пока губы Тиана произносили «войдите», Лидава уже птицей летела к входу...

Джордж вошел в комнату, улыбаясь, готовый произнести дежурную фразу приветствия — не успел... Девушка налетела, как ураган. Глаза её сияли, а голос был полон любовного томления:

— О, милый, я считала время, как ромашки на лугу. Я дрожала, как будто на костер взвели меня. Я умирала 10 раз, пока твой стук не воскресил меня, — обняв парня за шею, прижалась к его губам. — Быстрее, милый, целуй меня!

Другого приглашения для Джорджо не понадобилось. Он чувствовал теплое дыхание женщины у своего рта, ощущал её нетерпение — кровь ударила парню в голову. Даже не пытаясь разобраться в сложившейся ситуации, дал волю инстинктам. И всё забыл, трепет желанного тела поработил его,

а нетерпеливые пальчики женщины подстегивали к действиям более решительным. Помогая, он сорвал с себя рубаху в одно мгновение, забыв, что на свете существуют пуговицы. С мягким стуком прозрачные кругляшки посыпались на ковер. Вслед за ними упали сплетённые в объятии тела.

Джордж ударился спиной об угол платяного шкафа и боль вернула его в действительность. Дверь была широко распахнута и сквозь проем доносилась полуденная суeta наполненного людьми дома. Браун рванулся, пытаясь подняться. Картина, которую можно сейчас наблюдать в «синей» комнате, способна прервать спокойствие родового гнёздышка Браунов, если станет объектом даже случайного взгляда. Но потенциальная любовница держала крепко, она изумлённо выдохнула ему в шею:

— Куда ты?!

Жаркая волна вновь накрыла парня.

— Позволь, я только дверь закрою...

Ответом прозвучал серебристый смех:

— Никто не потревожит нас. Мой муж на совете... так называет он то место, где они вино лакают, бахвалятся, да блудниц лапают... Впрочем, ты прав! — решительный толчок в грудь и вновь возникшая боль в позвоночнике оповестили Джорджа, что сладостного плена он лишился. — Довольно развлечений! Ты обещал сегодня спеть мне, ту песню — что подарил менестрелям в день нашей первой близости. Представь, её поют на каждой ярмарке, и каждая девица —

молодая и не очень, утверждает, что написана она для неё. А я хочу крикнуть на всю площадь, что это песня — МОЯ! Боюсь, исполню своё желание... — приблизившееся лицо, затененное рассыпавшимися волосами, было загадочно, а глаза изливали свет любви...

Она была прекрасна... у Джорджа замерло сердце, он понял, что эти глаза меньше всего смотрят на него. Тиана видела лишь то, что хотела видеть.

Браун медленно поднялся с пола, стараясь ступать как можно тише, направился к двери. Последнее, что он увидел, прикрывая створки — девушка, кружащаяся по комнате в ритме одной ей известной музыки.

Итена он нашел у машины. Белоснежные слаксы и нежно-голубая рубашка-поло, в которые облачился брат, говорили о том, что к процедуре предстоящего знакомства он отнесся серьёзно. Впрочем, Джорджо не заметил этой ответственности. Он даже не заметил того, что сам выглядит достаточно странно с взлохмаченными волосами, криво сидящими брюками и в рубашке нараспашку. Его голова была занята другими мыслями... можно ли оставить девушку одну в таком странном состоянии? Наверное, нет. Но он был не готов, совсем не готов предпринять какие-то шаги...

— Нужно, наверное, сообщить Винсенте..., — пробормотал он тихо.

— Есть о чем сообщить Винсу? — поинтересовался Итенхмуро. — Заметь, я не спрашиваю, где наша дражайшая де-

вица. Твой вид говорит о том, что она сейчас выглядит не лучше.

Джордж смотрел круглыми глазами в глаза кузена, не воспринимая его слов. Итен сделал вторую попытку:

— Я вижу два пути развития событий: либо ты напал, а она сопротивлялась, либо атаковала она, а ты пытался скрыться. — Протянув руку он уцепил полу рубахи с оторванными пуговицами и сунул брату под нос. — Третий вариант, где участь пуговиц была решена совместными усилиями, мне нравится меньше всего.

Джорджо его не слышал. Итен покачал головой — наступила пора решительных действий:

— Прости, брат, — и довольно весоמו въехал кулаком собеседнику в ухо.

— За что? — удивился Браун-младший.

— У тебя немного съехала крыша, я её поправил, — терпеливо пояснил Итен.

— Я все слышал, — возмутился Джорджо, — просто отключил внешнее восприятие, чтобы подумать.

— Сомневаюсь.

— Напрасно, могу ответить на все твои предположения. Тиана встретила меня с восторгом, и я готов был остаться. Что случилось с пуговицами достоверно неизвестно, но могу предположить, что они остались на полу в «синей» комнате.

— Сценарий плохенький, да и сюжет избитый, — Итену стало скучно. — Сорвал в конце аплодисменты?

— До финала мы не доиграли, — буркнул сердито Джордж.

— Совесть проснулась что ли?

— Хуже... — Бруни-младший вздохнул. — Голова включилась в самый неподходящий момент. — Вид у парня был несчастный.

— Да, в такие моменты голова должна дружить с... другими частями тела, — согласился Итен.

— Она и сейчас в раздумьях.

— Едем, — Итен потянул кузена к своей машине. — Я угощу тебя пивом.

Браун-младший колебался:

— Наверное, мне нужно переодеться...

— Брось, — Итен связал концы его рубахи в красивый узел. — Там, где подают лучшее пиво в Городе, дресс-код самый демократичный.

Глава 11

Ты — как роза у меня на груди,
Свежая и прекрасная.
Я прижму тебя к своему
Обнаженному сердцу.
Пусть шипы твои
Пронзят сердце насквозь.
Пусть моя горячая кровь
Питает твой нежный стебель...

Лидава опустила голову на грудь Гедевина Гора.

— Почему твои баллады всегда полны печалью
безысходной? В них радости и безрассудству места
нет. Ужели никогда ты счастлив не был?

— Сейчас я счастлив, — Гор коснулся губами волос
возлюбленной, — но никогда я не был так тревожен.
Я чувствую — меж нас мерцает мгла, непостоянная и
тонкая, как дым. Ты здесь, со мной, а кажется, что от-
вернусь и нет тебя!

— Ты сомневаешься, что я тебя люблю? — тепло
и сердечно, совсем не так, как разговаривала с окру-
жающими постоянно, спросила леди. В её интонациях
отсутствовало превосходство.

— Ты мной играешь, — тихо и печально откликнулся рыцарь. — И даже в те минуты, когда любой мужчина знает, что безраздельно и неразделимо, я не могу сказать, что мы неразделимы. Я не могу сказать, что безраздельно ты моя. Ты — есть, и нет тебя, — горечь в голосе сменилась неистовством. — И оттого дороже нет тебя!

Лицо Лидавы вспыхнуло гневом оскорбленного доверия, голос наполнился высокомерием:

— Я тебя люблю! — она толкнула возлюбленного, вырываясь из объятий. Тяжелый перстень, чиркнул по губе рыцаря, рассекая кожу.

— Больше похоже на оскорбление, чем на признание в любви. — Слизнув сочившуюся из ранки кровь, Гедевин весь подобрался и стал похож на льва, приготовившегося к прыжку.

— Так вызови меня на поединок, сэр рыцарь, — смех серебристым колокольчиком рассыпался по темным закоулкам зала.

Бросившись на зов, Гор в прыжке заключил полунагую женщину в кольцо из рук:

— Вызов брошен!

— Вызов принят..., — прошептала в ответ Лидава.

Их губы сомкнулись в долгом поцелуе. Отстранившись на мгновение, Гор взглянул на леди в упор. Огоньки безумия заплясали в его зрачках:

— И что-то еще терзает и гложет моё сердце, — слова полились из его уст лихорадочным потоком. — Рассудок шепчет — бросить и уйти! Но лишь увижу вновь тебя — ворота Рая распахнулись и позвали за собой. А может это Ад разверст свои врата?.. Но это всё равно, всё равно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.